

В. И. ЛЕНИН

**ИМПЕРИАЛИЗМ,
КАК ВЫСШАЯ СТАДИЯ
КАПИТАЛИЗМА**

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1949

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя брошюра написана мной весной 1916 г. в Цюрихе. В тамошних условиях работы мне приходилось, естественно, терпеть известный недостаток во французской и английской литературе и очень большой недостаток — в литературе русской. Но всё же главный английский труд об империализме, книгу Дж. А. Гобсона, я использовал с тем вниманием, которого этот труд, по моему убеждению, заслуживает.

Брошюра писана для царской цензуры. Поэтому я не только был вынужден строжайше ограничить себя исключительно теоретическим — экономическим в особенности — анализом, но и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громаднейшей осторожностью, намёками, тем эзоповским — проклятым эзоповским — языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения.

Тяжело перечитывать теперь, в дни свободы, эти искаженные мыслью о царской цензуре, сдавленные, сжатые в железные тиски места брошюры. О том, что империализм есть канун социалистической революции, о том, что социал-шовинизм (социализм на словах, шовинизм на деле) есть полная измена социализму, полный переход на сторону буржуазии, что этот раскол рабочего движения стоит в связи с объективными условиями империализма и т. п. — мне приходилось говорить «рабьим» языком, и я вынужден отослать читателя, интересующегося вопросом, к выходящему вскоре переизданию моих зарубежных статей 1914—1917 годов. Особенно стоит отметить одно место, на странице 119—120^[1]: чтобы в цензурной форме пояснить читателю, как бесстыдно лгут капиталисты и перешедшие на их сторону социал-шовинисты (с коими так непоследовательно борется Каутский) по вопросу об аннексиях, как бесстыдно они *прикрывают* аннексии *своих* капиталистов, я вынужден был взять пример... Японии! Внимательный читатель легко подставит вместо Японии — Россию, а вместо Кореи — Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и прочие не великороссами заселённые области.

Я бы хотел надеяться, что моя брошюра поможет разобраться в основном экономическом вопросе, без изучения которого нельзя ничего понять в оценке современной войны и современной политики, именно: в вопросе об экономической сущности империализма.

Автор

Петроград. 26 апреля 1917 года.

1. См. главы IX предпоследний абзац. *Ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ И НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЯМ

I

Настоящая книжка написана, как указано в предисловии к русскому изданию, в 1916 году для царской цензуры. Я не имею возможности переделать весь текст в настоящее время, да это было бы, пожалуй, нецелесообразно, ибо основная задача книги была и остаётся: показать по сводным данным бесспорной буржуазной статистики и признаниям буржуазных учёных всех стран, какова была *итоговая картина* всемирного капиталистического хозяйства, в его международных взаимоотношениях, в начале XX века, накануне первой всемирной империалистской войны.

Отчасти будет даже небесполезно для многих коммунистов в передовых капиталистических странах убедиться на примере этой, *легальной с точки зрения царской цензуры*, книжки в возможности — и необходимости — использовать даже те слабые остатки легальности, которые остаются ещё для коммунистов в современной, скажем, Америке или во Франции после недавнего, почти поголовного ареста коммунистов, для разъяснения всей лживости социал-пацифистских взглядов и надежд на «мировую демократию». А самые необходимые дополнения к этой подцензурной книжке я попытаюсь дать в настоящем предисловии.:

II

В книжке доказано, что война 1914—1918 годов была с обеих сторон империалистской (т. е. захватной, грабительской, разбойнической) войной, войной из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний, «сфер влияния» финансового капитала и т. д.

Ибо доказательство того, каков истинный социальный, или вернее: истинный классовый характер войны содержится, разумеется, не в дипломатической истории войны, а в анализе *объективного* положения командующих *классов* во всех воюющих державах. Чтобы изобразить это объективное положение, надо взять не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно *совокупность* данных об *основах* хозяйственной жизни *всех* воюющих держав и *всего* мира.

Именно такие сводные данные, которые не могут быть опровергнуты, приведены мной в картине *раздела мира* в 1876 и 1914 годах (в § 6) и раздела *желдород* всего мира в 1890 и 1913 годах (в § 7). Желдороды, это — итоги самых главных отраслей капиталистической промышленности, каменноугольной и железоделательной, итоги — и наиболее наглядные показатели развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации. Как связаны желдороды с крупным производством, с монополиями, с синдикатами, картелями, трестами, банками, с финансовой олигархией, это показано в предыдущих главах книги. Распределение желдородной сети, неравномерность его, неравномерность её развития, это — итоги современного,

монополистического капитализма во всемирном масштабе. И эти итоги показывают абсолютную неизбежность империалистских войн на *такой* хозяйственной основе, пока существует частная собственность на средства производства.

Постройка желдорго кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием: такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелкобуржуазных филистеров. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полукolonии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в «цивилизованных» странах.

Частная собственность, основанная на труде мелкого хозяина, свободная конкуренция, демократия, — все эти лозунги, которыми обманывают рабочих и крестьян капиталисты и их пресса, остались далеко позади. Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли. И делёж этой «добычи» происходит между 2—3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в *свою* войну из-за дележа *своей* добычи всю землю.

III

Брест-Литовский мир, продиктованный монархической Германией, а затем гораздо более зверский и подлый Версальский мир, продиктованный «демократическими» республиками, Америкой и Францией, а также «свободной» Англией, сослужили полезнейшую службу человечеству, разоблачив как наёмных чернильных кули империализма, так и реакционных мещан, хотя бы и называющих себя пацифистами и социалистами, которые воспевали «вильсонизм», доказывали возможность мира и реформ при империализме.

Десятки миллионов трупов и калек, оставленных войной, войной из-за того, английская или германская группа финансовых разбойников должна получить больше добычи, и затем два этих «мирных договора» открывают глаза с невиданной прежде быстротой миллионам и десяткам миллионов забитых, задавленных, обманутых, одураченных буржуазией людей. На почве всемирного разорения, созданного войной, растёт, таким образом, всемирный революционный кризис, который, какие бы долгие и тяжелые перипетии он ни проходил, не может кончиться иначе, как пролетарской революцией и её победой.

Базельский манифест II Интернационала, давший в 1912 году оценку именно той войне, которая наступила в 1914 году, а не войне вообще (войны бывают разные, бывают и революционные), этот манифест остался памятником, разоблачающим весь позорный крах, всё ренегатство героев II Интернационала.

Я перепечатаваю поэтому этот манифест в приложении к настоящему изданию и обращаю внимание читателей ещё и ещё раз, что герои II Интернационала так же заботливо обходят те места этого манифеста, где говорится точно, ясно, прямо о связи именно этой грядущей войны с пролетарской революцией, — обходят так же заботливо, как вор обходит то место, где он совершил кражу.

IV

Особенное внимание уделено в настоящей книжке критике «каутскианства», международного идейного течения, которое представлено во всех странах мира «виднейшими теоретиками», вождями II Интернационала (в Австрии — Отто Бауэр и К^о, в Англии — Рамсей Макдональд и др., во Франции — Альбер Тома и т. д. и т. п.) и массой социалистов, реформистов, пацифистов, буржуазных демократов, попов.

Это идейное течение есть, с одной стороны, продукт разложения, гниения II Интернационала, а с другой стороны — неизбежный плод идеологии мелких буржуа, которых вся жизненная обстановка держит в плену буржуазных и демократических предрассудков.

У Каутского и подобных ему подобные взгляды есть полное отречение именно от тех революционных основ марксизма, которые этот писатель защищал десятки лет, специально, между прочим, в борьбе с социалистическим оппортунизмом (Бернштейна, Мильерана, Гайндмана, Гомперса и т. п.). Не случайно поэтому, что во всем мире «каутскианцы» объединились теперь практически-политически с крайними оппортунистами (через II или жёлтый Интернационал) и с буржуазными правительствами (через коалиционные буржуазные правительства с участием социалистов).

Растущее во всём мире пролетарское революционное движение вообще, коммунистическое в особенности не может обойтись без анализа и разоблачения теоретических ошибок «каутскианства». Это тем более так, что пацифизм и «демократизм» вообще, несколько не претендующие на марксизм, но совершенно так же, как Каутский и К^о, затушёвывающие глубину противоречий империализма и неизбежность порожденного им революционного кризиса, — эти течения распространены ещё чрезвычайно сильно во всём мире. И борьба с этими течениями обязательна для партии пролетариата, которая должна отвоёвывать от буржуазии одуроченных ею мелких хозяйчиков и миллионы трудящихся, поставленных в более или менее мелкобуржуазные условия жизни.

V

Необходимо сказать несколько слов о главе VIII: «Паразитизм и загнивание капитализма». Как уже отмечено в тексте книги, Гильфердинг, бывший «марксист», теперь соратник Каутского и один из главных представителей буржуазной, реформистской политики в «Независимой с.-д. партии Германии», сделал по этому вопросу шаг назад по сравнению с *откровенным* пацифистом и реформистом, англичанином Гобсоном. Международный раскол всего рабочего движения теперь уже

обнаружился вполне (II и III Интернационал). Обнаружился также и факт вооруженной борьбы и гражданской войны между обоими течениями: поддержка Колчака и Деникина в России меньшевиками и «социалистами-революционерами» против большевиков, шейдемановцы и Носке с К^о в Германии с буржуазией против спартаковцев, тоже в Финляндии, Польше, Венгрии и т. д. В чем же экономическая основа этого всемирно-исторического явления?

Именно в паразитизме и загнивании капитализма, которые свойственны его высшей исторической стадии, т. е. империализму. Как доказано в настоящей книжке, капитализм выделил теперь *горстку* (менее одной десятой доли населения земли, при самом «щедром» и преувеличенном расчёте менее одной пятой) особенно богатых и могущественных государств, которые грабят — простой «стрижкой купонов» — весь мир. Вывоз капитала дает доход 8—10 миллиардов франков в год, по довоенным ценам и довоенной буржуазной статистике. Теперь, конечно, много больше.

Понятно, что из такой гигантской *сверхприбыли* (ибо она получается сверх той прибыли, которую капиталисты выжимают из рабочих «своей» страны) *можно подкупать* рабочих вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии. Её и подкупают капиталисты «передовых» стран — подкупают тысячами способов, прямых и косвенных, открытых и прикрытых.

Этот слой обуржуазившихся рабочих или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему мирозерцанию, есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная *социальная* (не военная) *опора буржуазии*. Ибо это настоящие *агенты буржуазии в рабочем движении*, рабочие приказчики класса капиталистов (*labor lieutenants of the capitalist class*), настоящие проводники реформизма и шовинизма. В гражданской войне пролетариата с буржуазией они неизбежно становятся, в немалом числе, на сторону буржуазии, на сторону «версальцев» против «коммунаров».

Не поняв экономических корней этого явления, не оценив его политического и общественного значения, нельзя сделать ни шага в области решения практических задач коммунистического движения и грядущей социальной революции.

Империализм есть канун социальной революции пролетариата. Это подтвердилось с 1917 года в всемирном масштабе.

6 июля 1920 г.

Н. Ленин

За последние 15—20 лет, особенно после испано-американской (1898) и англо-бурской (1899—1902) войны, экономическая, а также политическая литература старого и нового света всё чаще и чаще останавливается на понятии «империализм» для характеристики переживаемой нами эпохи. В 1902 году в Лондоне и Нью-Йорке вышло в свет сочинение английского экономиста Дж. А. Гобсона: «Империализм». Автор, стоящий на точке зрения буржуазного социал-реформизма и пацифизма — однородной, в сущности, с теперешней позицией бывшего марксиста К. Каутского, — дал очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма. В 1910 году в Вене вышло в свет сочинение австрийского марксиста Рудольфа Гильфердинга: «Финансовый капитал» (русский перевод: Москва, 1912). Несмотря на ошибку автора в вопросе о теории денег и на известную склонность к примирению марксизма с оппортунизмом, это сочинение представляет из себя в высшей степени ценный теоретический анализ «новейшей фазы в развитии капитализма» — так гласит подзаголовок книги Гильфердинга. В сущности, то, что говорилось за последние годы об империализме — особенно в громадном количестве журнальных и газетных статей на эту тему, а также в резолюциях, например, Хемницкого и Базельского конгрессов, состоявшихся осенью 1912 года, — едва ли выходило из круга идей, изложенных или, вернее, подытоженных у обоих названных авторов...

В дальнейшем мы попытаемся кратко изложить, в возможно более популярной форме, связь и взаимоотношение *основных* экономических особенностей империализма. На неэкономической стороне дела остановиться, как она бы этого заслуживала, нам не придётся. Ссылки на литературу и другие примечания, способные заинтересовать не всех читателей, мы отнесём в конец брошюры.

I. КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И МОНОПОЛИИ

Громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во всё более крупных предприятиях являются одной из наиболее характерных особенностей капитализма. Самые полные и самые точные данные об этом процессе дают современные промышленные переписи.

В Германии, например, из каждой тысячи промышленных предприятий было крупных, т. е. имеющих свыше 50 наёмных рабочих, в 1882 г. — 3; в 1895 г. — 6 и в 1907 г. — 9. На их долю приходилось из каждой сотни рабочих: 22, 30 и 37. Но концентрация производства гораздо сильнее, чем концентрация рабочих, потому что труд в крупных заведениях гораздо производительнее. На это указывают данные о паровых машинах и об электрических двигателях. Если взять то, что в Германии называют промышленностью в широком смысле, т. е. включая и торговлю и пути сообщения и т. п., то получим следующую картину. Крупных заведений 30 588 из 3 265 623, т. е. всего 0,9 %. У них рабочих — 5,7 миллионов из 14,4 млн., т. е. 39,4 %; паровых лошадиных сил — 6,6 млн. из 8,8, т. е. 75,3 %; электрических — 1,2 млн. киловатт из 1,5 млн., т. е. 77,2 %.

Менее чем одна сотая доля предприятий имеет более $\frac{3}{4}$ общего количества паровой и электрической силы! На долю 2,97 млн. мелких (до 5 наёмных рабочих) предприятий, составляющих 91 % всего числа предприятий, приходится всего 7 % паровой и электрической силы! Десятки тысяч крупнейших предприятий — всё; миллионы мелких — ничто.

Заведений, имеющих 1000 и более рабочих, было в Германии в 1907 г. 586. У них почти *десятая* доля (1,38 млн.) общего числа рабочих и *почти треть* (32 %) общей суммы паровой и электрической силы^[1]. Денежный капитал и банки, как увидим, делают этот перевес горстки крупнейших предприятий ещё более подавляющим и притом в самом буквальном значении слова, т. е. миллионы мелких, средних и даже части крупных «хозяев» оказываются на деле в полном порабощении у нескольких сотен миллионеров-финансистов.

В другой передовой стране современного капитализма, в Соединённых Штатах Северной Америки, рост концентрации производства ещё сильнее. Здесь статистика выделяет промышленность в узком смысле слова и группирует заведения по величине стоимости годового продукта. В 1904 году крупнейших предприятий, с производством в 1 миллион долларов и свыше, было 1900 (из 216 180, т. е. 0,9 %) — у них 1,4 млн. рабочих (из 5,5 млн, т. е. 25,6 %) и 5,6 миллиардов производства (из 14,8 млрд, т. е. 38 %). Через 5 лет, в 1909 г. соответственные цифры: 3 060 предприятий (из 268 491; — 1,1 %) с 2,0 млн рабочих (из 6,6; — 30,5 %) и с 9,0 миллиардами производства (из 20,7 миллиардов; — 43,8 %)^[2].

Почти половина всего производства всех предприятий страны в руках *одной сотой доли* общего числа предприятий! И эти три тысячи предприятий-гигантов охватывают 258 отраслей промышленности. Отсюда ясно, что концентрация, на известной ступени её развития, сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии. Ибо несколькими десятками гигантских предприятий легко прийти к соглашению между собою, а с другой стороны затруднение конкуренции, тенденция к монополии порождается именно крупным размером предприятий. Это превращение конкуренции в монополию представляет из себя одно из важнейших явлений — если не важнейшее — в экономике новейшего капитализма, и нам необходимо подробнее остановиться на нём. Но сначала мы должны устранить одно возможное недоразумение.

Американская статистика говорит: 3000 гигантских предприятий в 250 отраслях промышленности. Как будто бы всего по 12 предприятий крупнейшего размера на каждую отрасль.

Но это не так. Не в каждой отрасли промышленности есть большие предприятия; а с другой стороны, крайне важной особенностью капитализма, достигшего высшей ступени развития, является так называемая *комбинация*, т. е. соединение в одном предприятии разных отраслей промышленности, представляющих собой либо последовательные ступени обработки сырья (например, выплавка чугуна из руды и переделка чугуна в сталь, а далее, может быть, производство тех или иных готовых

продуктов из стали), — либо играющих вспомогательную роль одна по отношению к другой (например, обработка отбросов или побочных продуктов; производство предметов упаковки и т. п.).

«Комбинация, — пишет Гильфердинг, — уравнивает различия конъюнктуры и потому обеспечивает для комбинированного предприятия большее постоянство нормы прибыли. Во-2-х, комбинация приводит к устранению торговли. В-3-х, она делает возможными технические усовершенствования, а следовательно, и получение дополнительной прибыли по сравнению с „чистыми“ (т. е. не комбинированными) предприятиями. В-4-х, она укрепляет позицию комбинированного предприятия по сравнению с „чистым“, — усиливает его в конкурентной борьбе во время сильной депрессии (заминки в делах, кризиса), когда понижение цен сырья отстаёт от понижения цены фабрикатов»^[3].

Немецкий буржуазный экономист Гейман, посвятивший особое сочинение описанию «смешанных», т. е. комбинированных, предприятий в немецкой железодельной промышленности, говорит: «чистые предприятия гибнут, раздавленные высокой ценой на материалы, при низких ценах на готовые продукты». Получается такая картина:

«Остались, с одной стороны, крупные, каменноугольные компании, с добычей угля в несколько миллионов тонн, крепко организованные в своём каменноугольном синдикате; а затем тесно связанные с ними крупные сталелитейные заводы со своим стальным синдикатом. Эти гигантские предприятия с производством стали в 400 000 тонн (тонна = 60 пудов) в год, с громадной добычей руды и каменного угля, с производством готовых изделий из стали, с 10 000 рабочих, живущих по казармам заводских посёлков, иногда со своими собственными железными дорогами и гаванями, — являются типичными представителями немецкой железной промышленности. И концентрация идёт всё дальше и дальше вперёд. Отдельные предприятия становятся всё крупнее; всё большее число предприятий одной и той же или различных отраслей промышленности сплавиваются в гигантские предприятия, для которых полдюжины крупных берлинских банков служат и опорой и руководителями. По отношению к германской горной промышленности точно доказана правильность учения Карла Маркса о концентрации; правда, это относится к стране, в которой промышленность защищена охранительными пошлинами и перевозочными тарифами. Горная промышленность Германии созрела для экспроприации»^[4].

К такому выводу должен был прийти добросовестный, в виде исключения, буржуазный экономист. Надо отметить, что он как бы выделяет Германию особо, ввиду защиты её промышленности высокими охранительными пошлинами. Но это обстоятельство могло лишь ускорить концентрацию и образование монополистических союзов предпринимателей, картелей, синдикатов и т. п. Чрезвычайно важно, что в стране свободной торговли, Англии, концентрация *тоже* приводит к монополии, хотя несколько позже и в другой, может быть, форме. Вот что пишет профессор Герман Леви в специальном исследовании о «Монополиях, картелях и трестах» по данным об экономическом развитии Великобритании:

«В Великобритании именно крупный размер предприятий и их высокий технический уровень несут в себе тенденцию к монополии. С одной стороны, концентрация привела к тому, что на предприятие приходится затрачивать громадные суммы капитала; поэтому новые предприятия стоят перед всё более высокими требованиями в смысле размеров необходимого капитала, и этим затрудняется их появление. А с другой стороны (и этот пункт мы считаем более важным), каждое новое предприятие, которое хочет стать на уровне гигантских предприятий, созданных концентрацией, должно производить такое громадное избыточное количество продуктов, что прибыльная продажа их возможна только при необыкновенном увеличении спроса, а в противном случае этот избыток продуктов понизит цены до уровня, невыгодного ни для нового завода ни для монополистических союзов». В Англии монополистические союзы предпринимателей, картели и тресты, возникают большей частью — в отличие от других стран, где охранительные пошлины облегчают картелирование, — лишь тогда, когда число главных конкурирующих предприятий сводится к «каким-нибудь двум дюжинам». «Влияние концентрации на порождение монополии в крупной промышленности сказывается здесь с кристальной ясностью»^[5].

Полвека тому назад, когда Маркс писал свой «Капитал», свободная конкуренция казалась подавляющему большинству экономистов «законом природы». Казённая наука пыталась убить посредством заговора молчания сочинение Маркса, доказавшего теоретическим и историческим анализом капитализма, что свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведёт к монополии. Теперь монополия стала фактом. Экономисты пишут горы книг, описывая отдельные проявления монополии и продолжая хором заявлять, что «марксизм опровергнут». Но факты — упрямая вещь, как говорит английская пословица, и с ними волейневолей приходится считаться. Факты показывают, что различия между отдельными капиталистическими странами, например, в отношении протекционизма или свободной торговли, обуславливают лишь несущественные различия в форме монополий или во времени появления их, а порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма.

Для Европы можно установить довольно точно время *окончательной* смены старого капитализма новым: это именно — начало XX века. В одной из новейших сводных работ по истории «образования монополий» мы читаем:

«Можно привести из эпохи до 1860 г. отдельные примеры капиталистических монополий; можно открыть в них зародыши тех форм, которые столь обычны теперь; но всё это безусловно — доисторические времена для картелей. Настоящее начало современных монополий относится, самое раннее, к 1860 годам. Первый крупный период развития монополий начинается с международного угнетения промышленности 1870 годов и простирается до начала 1890 годов». «Если рассматривать дело в европейском масштабе, то предельным пунктом развития свободной конкуренции являются 60-ые и 70-ые годы. Тогда Англия закончила постройку своей капиталистической организации старого стиля. В Германии эта организация вступила в решительную борьбу с ремеслом и домашней промышленностью и начала создавать себе свои формы существования».

«Большой переворот начинается с краха 1873 года или, вернее, с депрессии, которая последовала за ним и которая — с едва заметным перерывом в начале 80-х годов и с необыкновенно сильным, но коротким подъёмом около 1889 года — заполняет 22 года европейской экономической истории». «Во время короткого периода подъема 1889—1890 гг. картелями сильно пользовались для использования конъюнктуры. Необдуманная политика поднимала вверх цены ещё быстрее и ещё сильнее, чем это произошло бы без картелей, и почти все эти картели погибли бесславно „в могиле краха“. Прошло ещё пять лет плохих дел и низких цен, но в промышленности царило уже не прежнее настроение. Депрессию не считали уже чем-то само собою разумеющимся, в ней видели лишь паузу перед новой благоприятной конъюнктурой.

И вот картельное движение вступило в свою вторую эпоху. Вместо преходящего явления картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Они завоёвывают одну область промышленности за другой и в первую голову обработку сырых материалов. Уже в начале 1890 годов картели выработали себе в организации коксового синдиката, по образцу которого создан угольный синдикат, такую картельную технику, дальше которой движение, в сущности, не пошло. Большой подъём в конце XIX века и кризис 1900—1903 годов стоят — по крайней мере в горной и железной промышленности — впервые всецело под знаком картелей. И если тогда это казалось ещё чем-то новым, то теперь для широкого общественного сознания стало само собою разумеющейся истиной, что крупные части хозяйственной жизни изъяты, как общее правило, из свободной конкуренции»^[6].

Итак, вот основные итоги истории монополий: 1) 1860 и 1870 годы — высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они ещё исключение. Они ещё не прочны. Они ещё преходящее явление. 3) Подъём конца XIX века и кризис 1900—1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм.

Картели договариваются об условиях продажи, сроках платежа и пр. Они делят между собой области сбыта. Они определяют количество производимых продуктов. Они устанавливают цены. Они распределяют между отдельными предприятиями прибыль и т. д.

Число картелей в Германии определялось приблизительно в 250 в 1896 г. и в 385 в 1905 году при участии в них около 12 000 заведений^[7]. Но все признают, что эти цифры преуменьшены. Из приведённых выше данных германской промышленной статистики 1907 г. видно, что даже 12 000 крупнейших предприятий сосредоточивают, наверное, больше половины общего количества паровой и электрической силы. В Соединённых Штатах Северной Америки число трестов определялось в 1900 г. — в 185; в 1907 г. — в 250. Американская статистика делит все промышленные предприятия на принадлежащие отдельным лицам, фирмам и корпорациям. Последним принадлежало в 1904 году — 23,6 %, в 1909 г. — 25,9 %, т. е. свыше четверти общего числа предприятий. Рабочих в этих заведениях было 70,6 % в 1904 и 75,6 %, три четверти общего числа, в 1909 г.; размеры производства были 10,9 и 16,3 миллиардов долларов, т. е. 73,7 % и 79,0 % общей суммы.

В руках картелей и трестов сосредоточивается нередко семь-восемь десятых всего производства данной отрасли промышленности. Рейнско-Вестфальский каменноугольный синдикат при своем основании в 1893 году концентрировал 86,7 % всего производства угля в районе, а в 1910 году уже 95,4 %^[8]. Создающаяся таким образом монополия обеспечивает гигантские доходы и ведёт к образованию технически-производственных единиц необъятного размера. Знаменитый керосиновый трест в Соединённых Штатах (Standard Oil Company) был основан в 1900 г. «Его капитал составлял 150 миллионов долларов. Выпущено было обыкновенных акций на 100 млн и привилегированных на 106 млн. На эти последние выплачивалось дивиденда в 1900—1907 годах: 48, 48, 45, 44, 36, 40, 40, 40 %, всего 367 миллионов долларов. С 1882 по 1907 год было получено чистой прибыли 889 млн долларов; из них 606 млн уплачены в дивиденд, а остальное пошло на резервный капитал»^[9]. «На всех предприятиях стального треста (United States Steel Corporation) было в 1907 г. не менее как 210 180 рабочих и служащих. Самое крупное предприятие германской горной промышленности, Гельзенкирхенское горное общество (Gelsenkirchener Bergwerksgesellschaft), имело в 1908 г. — 46 048 рабочих и служащих»^[10]. Ещё в 1902 г. стальной трест производил 9 миллионов тонн стали^[11]. Его производство стали составляло в 1901 г. — 66,3 %, а в 1908 г. — 56,1 % всего производства стали в Соединённых Штатах^[12]; добыча руды — 43,9 % и 46,3 % за те же годы.

Отчёт американской правительственной комиссии о трестах говорит: «Их превосходство над конкурентами основывается на крупных размерах их предприятий и на их превосходно поставленной технике. Табачный трест с самого своего основания прилагал все усилия к тому, чтобы в широких размерах заменять ручной труд машинным повсюду. Он скупал для этой цели все патенты, имеющие какое-либо отношение к обработке табака, и израсходовал на это громадные суммы. Многие патенты оказывались сначала негодными, и их приходилось перерабатывать инженерам, состоящим на службе у треста. В конце 1906 г. было создано два филиальных общества с исключительной целью скупки патентов. Для той же цели трест основал свои литейни, машинные фабрики и починочные мастерские. Одно из этих заведений, в Бруклине, занимает в среднем 300 рабочих; здесь производятся опыты над изобретениями для производства папирос, маленьких сигар, нюхательного табака, листового олова для упаковки, коробок и пр.; здесь же усовершенствуются изобретения»^[13]. «И другие тресты держат у себя на службе так называемых *developping engineers* (инженеров для развития техники), задачей которых является изобретать новые приёмы производства и испытывать технические улучшения. Стальной трест платит своим инженерам и рабочим высокие премии за изобретения, способные повысить технику или уменьшить издержки»^[14].

Подобным же образом организовано дело технических улучшений в германской крупной промышленности, например, в химической, которая развилась так гигантски за последние десятилетия. Процесс концентрации производства уже к 1908 г. создал в этой промышленности две главные «группы», которые по-своему тоже подходили к монополии. Сначала эти группы были «двойственными союзами» двух пар крупнейших фабрик, с капиталом каждая в 20—21 миллион марок: с одной стороны,

бывшая Майстера, фабрика в Хохсте и Касселлэ в Франкфурте-на-Майне, с другой стороны, анилиновая и содовая фабрика в Людвигсхафене и бывшая Байера в Эльберфельде. Затем в 1905 г. одна группа, а в 1908 г. другая вошла в соглашение каждая ещё с одной крупной фабрикой. Получилось два «тройственных союза» с капиталом в 40—50 миллионов марок каждый, и между этими «союзами» уже началось «сближение», «договоры» о ценах и т. д.^[15]

Конкуренция превращается в монополию. Получается гигантский прогресс обобществления производства. В частности обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований.

Это уже совсем не то, что старая свободная конкуренция раздробленных и не знающих ничего друг о друге хозяев, производящих для сбыта на неизвестном рынке. Концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учёт всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) в данной стране и даже, как увидим, в ряде стран, во всём мире. Такой учёт не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учёт размеров рынка, который «делят» между собою, по договорному соглашению, эти союзы. Монополизируются обученные рабочие силы, нанимаются лучшие инженеры, захватываются пути и средства сообщения — железные дороги в Америке, пароходные общества в Европе и в Америке. Капитализм в его империалистской стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению.

Производство становится общественным, но присвоение остаётся частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнёт немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее.

Немецкий экономист Кестнер посвятил особое сочинение «борьбе между картелями и посторонними», т. е. не входящими в картель предпринимателями. Он назвал это сочинение: «Принуждение к организации», тогда как надо было бы говорить, конечно, чтобы не прикрашивать капитализма, о принуждении к подчинению союзам монополистов. Поучительно взглянуть просто хотя бы на перечень тех средств современной, новейшей, цивилизованной, борьбы за «организацию», к которым прибегают союзы монополистов: 1) лишение сырых материалов («... один из важнейших приемов для принуждения к вступлению в картель»); 2) лишение рабочих рук посредством «альянсов» (т. е. договоров капиталистов с рабочими союзами о том, чтобы последние принимали работу только на картелированных предприятиях); 3) лишение подвоза; 4) лишение сбыта; 5) договор с покупателем о ведении торговых сношений исключительно с картелями; 6) планомерное сбивание цен (для разорения «посторонних», т. е. предприятий, не подчиняющихся монополистам, расходуется

миллионы на то, чтобы известное время продавать ниже себестоимости: в бензинной промышленности бывали примеры понижения цен с 40 до 22-х марок, т. е. почти вдвое!); 7) лишение кредита; 8) объявление бойкота.

Перед нами уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами — удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, её гнету, её произволу. Вот как отражается этот процесс в сознании буржуазного экономиста:

«Даже в области чисто хозяйственной деятельности, — пишет Кестнер, — происходит известная передвижка от торговой деятельности в прежнем смысле к организаторски-спекулятивной. Наибольшим успехом пользуется не купец, умеющий на основании своего технического и торгового опыта всего лучше определить потребности покупателей, найти и, так сказать, „открыть“ спрос, остающийся в скрытом состоянии, а спекулятивный гений (?!), умеющий наперед усчитать или хотя бы только почуять организационное развитие, возможность известных связей между отдельными предприятиями и банками...».

В переводе на человеческий язык это значит: развитие капитализма дошло до того, что, хотя товарное производство по-прежнему «царит» и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано, и главные прибыли достаются «гениям» финансовых проделок. В основе этих проделок и мошенничеств лежит обобществление производства, но гигантский прогресс человечества, доработавшегося до этого обобществления, идет на пользу... спекулянтам. Мы увидим ниже, как «на этом основании» мещански-реакционная критика капиталистического империализма мечтает о возвращении *назад*, к «свободной», «мирной», «честной» конкуренции.

«Длительное повышение цен, как результат образования картелей, — говорит Кестнер, — до сих пор наблюдалось только по отношению к важнейшим средствам производства, особенно каменному углю, железу, кали; и, наоборот, никогда не наблюдалось по отношению к готовым продуктам. Связанное с этим повышение доходности равным образом ограничивалось индустрией, производящей средства производства. Это наблюдение надо ещё дополнить тем, что промышленность, обрабатывающая сырые материалы (а не полуфабрикаты), не только извлекает выгоды в виде высоких прибылей благодаря образованию картелей к ущербу для промышленности, занятой дальнейшей переработкой полуфабрикатов, но и стала по отношению к этой промышленности в известное *отношение господства*, которого не было при свободной конкуренции»^[16].

Подчёркнутые нами слова показывают ту суть дела, которую так неохотно и редко признают буржуазные экономисты и от которой так усердно стараются отговориться и отмахнуться современные защитники оппортунизма с К. Каутским во главе. Отношения господства и связанного с ним насилия — вот что типично для «новейшей фазы в развитии капитализма», вот что с неизбежностью должно было проистечь и проистекло из образования всемогущих экономических монополий.

Приведем ещё один пример хозяйничанья картелей. Там, где можно захватить в свои руки всё или главные источники сырья, возникновение картелей и образование монополий особенно легко. Но было бы ошибкой думать, что монополии не возникают и в других отраслях промышленности, где захват источников сырья невозможен. В цементной промышленности сырой материал имеется всюду. Но и эта промышленность сильно картелирована в Германии. Заводы объединились в порайонные синдикаты: южногерманский, рейнсковестфальский и т. д. Цены установлены монопольные: 230—280 марок за вагон при себестоимости в 180 марок! Предприятия дают 12—16 % дивиденда, причем не надо забывать, что «гении» современной спекуляции умеют направлять в свои карманы большие суммы прибылей помимо того, что распределяется как дивиденд. Чтобы устранить конкуренцию из столь прибыльной промышленности, монополисты пускаются даже на уловки: распространяются ложные слухи о плохом положении промышленности, печатаются анонимные объявления в газетах: «капиталисты! остерегайтесь вкладывать капиталы в цементное дело»; наконец, скупают заведения «посторонних» (т. е. не участвующих в синдикатах), платят им «отступного» 60—80—150 тысяч марок^[17]. Монополия пролагает себе дорогу всюду и всяческими способами, начиная от «скромного» платежа отступного и кончая американским «применением» динамита к конкуренту.

Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, прикрашивающих капитализм во что бы то ни стало. Напротив, монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом. Несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится ещё больше. Привилегированное положение, в котором оказывается наиболее картелированная так называемая *тяжелая* индустрия, особенно уголь и железо, приводит в остальных отраслях промышленности «к ещё более острому отсутствию плановости», как признается Ейдэльс, автор одной из лучших работ об «отношении немецких крупных банков к промышленности»^[18].

«Чем развитее народное хозяйство, — пишет Лифман, беспардонный защитник капитализма, — тем больше обращается оно к более рискованным или к заграничным предприятиям, к таким, которые требуют продолжительного времени для своего развития, или, наконец, к таким, которые имеют только местное значение»^[19]. Увеличение рискованности связано, в конце концов, с гигантским увеличением капитала, который, так сказать, льётся через край, течёт за границу и т. д. А вместе с тем усиленно быстрый рост техники несёт с собой всё больше элементов несоответствия между различными сторонами народного хозяйства, хаотичности, кризисов. «Вероятно, — вынужден признать тот же Лифман, — человечеству предстоят в недалёком будущем снова крупные перевороты в области техники, которые проявят своё действие и на народнохозяйственную организацию»... электричество, воздухоплавание... «Обыкновенно и по общему правилу в такие времена коренных экономических изменений развивается сильная спекуляция...»^[20]

А кризисы — всякого рода, экономические чаще всего, но не одни только экономические — в свою очередь в громадных размерах усиливают тенденцию к концентрации и к монополии. Вот чрезвычайно поучительное рассуждение Ейдэльса о

значении кризиса 1900 года, кризиса, сыгравшего, как мы знаем, роль поворотного пункта в истории новейших монополий:

«Кризис 1900 года застал наряду с гигантскими предприятиями в главных отраслях промышленности ещё много предприятий с организацией, по теперешним понятиям, устарелую, „чистые“ предприятия» (т. е. не комбинированные), «поднявшиеся вверх на гребне волны промышленного подъёма. Падение цен, понижение спроса привели эти „чистые“ предприятия в такое бедственное положение, которое либо вовсе не коснулось комбинированных гигантских предприятий, либо затронуло их на совсем короткое время. Вследствие этого кризис 1900 года в несравненно большей степени привёл к промышленной концентрации, чем кризис 1873 года: этот последний создал тоже известный отбор лучших предприятий, но при тогдашнем уровне техники этот отбор не мог привести к монополии предприятий, сумевших победоносно выйти из кризиса. Именно такой длительной монополией, и притом в высокой степени, обладают гигантские предприятия теперешней железодобывательной и электрической промышленности благодаря их очень сложной технике, их далеко проведенной организации, мощи их капитала, а затем в меньшей степени и предприятия машиностроительной, известных отраслей металлургической промышленности, путей сообщения и пр.»^[21].

Монополия — вот последнее слово «новейшей фазы в развитии капитализма». Но наши представления о действительной силе и значении современных монополий были бы крайне недостаточны, неполны, преуменьшены, если бы мы не приняли во внимание роли банков.

-
1. Сводка цифр по *Annalen des deutschen Reichs*, 1911, Zahn (Анналы Германского государства, 1911, Цан. *Ред.*)
 2. *Statistical Abstract of the United States* 1912, p. 202 (Статистический сборник Соединенных Штатов за 1912 год, стр. 202. *Ред.*).
 3. «Финансовый капитал», рус. пер., стр. 286—287.
 4. Hans Gideon Heymann. «Die gemischten Werke im deutschen Großeisengewerbe». Stuttgart, 1904 (SS. 256, 278—279) (Ганс Гидеон Гейман. «Смешанные предприятия в немецкой крупной железодобывательной промышленности». Штутгарт, 1904 (стр. 256, 278—279). *Ред.*).
 5. Hermann Levy. «Monopole, Kartelle und Trusts». Jena, 1909, SS. 286, 290, 298 (Герман Леви. «Монополии, картели и тресты». Йена, 1909, стр. 286, 290, 298. *Ред.*).
 6. Th. Vogelstein. «Die finanzielle Organisation der kapitalistischen Industrie und die Monopolbildungen» в «Grundriß der Sozialökonomik». VI Abt., Tüb., 1914 (Т. Фогельштейн. «Финансовая организация капиталистической индустрии и образование монополий» в «Основах социальной экономики». VI раздел, Тюбинген, 1914. *Ред.*). Ср. того же автора: «Organisationsformen der Eisenindustrie und Textilindustrie in England und Amerika». Bd. I, Lpz., 1910 («Организационные формы железодобывательной и текстильной промышленности в Англии и Америке». Том I, Лейпциг, 1910. *Ред.*).
 7. Dr. Riesser. «Die deutschen Großbanken und ihre Konzentration im Zusammenhange mit der Entwicklung der Gesamtwirtschaft in Deutschland». 4. Aufl., 1912, S. 149. — R. Liefmann. «Kartelle und Trusts und die Weiterbildung der volkswirtschaftlichen Organisation». 2. Aufl., 1910, S. 25 (Д-р Риссер. «Германские крупные банки и их концентрация в связи с общим развитием хозяйства в Германии». 4 изд., 1912, стр. 149. — Р. Лифман. «Картели и тресты и дальнейшее развитие народнохозяйственной организации». 2 изд., 1910, стр. 25. *Ред.*).
 8. Dr. Fritz Kestner. «Der Organisationszwang. Eine Untersuchung über die Kämpfe zwischen Kartellen und Außenseitern». Brl., 1912, стр. 11 (Д-р Фриц Кестнер. «Принуждение к организации. Исследование о борьбе между картелями и посторонними». Берлин. *Ред.*).
 9. R. Liefmann. «Beteiligungs- und Finanzierungs-gesellschaften. Eine Studie über den modernen Kapitalismus und das Effektenwesen». 1. Aufl., Jena, 1909, стр. 212 (Р. Лифман. «Общества участия и финансирования. Исследование современного капитализма и сущности ценных бумаг». 1 издание, Йена. *Ред.*)
 10. Там же, стр. 218.

11. Dr. S. Tschierschky. «Kartell und Trust». Gött., 1903, стр. 13 (Д-р З. Чиршки. «Картель и трест», Гёттинген. *Ред.*).
12. Th. Vogelstein. «Organisationsformen», стр. 275.
13. Report of the Commissioner of Corporations on the Tobacco Industry. Washington, 1909, стр. 266 (Отчёт члена комиссии об объединениях в табачной промышленности. Вашингтон. *Ред.*) — цитировано по книге «Dr. Paul Tafel. „Die nordamerikanischen Trusts und ihre Wirkungen auf den Fortschritt der Technik“». Stuttgart, 1913, стр. 48 (Д-р Пауль Тафель. «Североамериканские тресты и их влияние на прогресс техники». Штутгарт. *Ред.*).
14. Там же, стр. 48—49.
15. Riesser, назв. соч., стр. 547 и сл. по 3-му изд. Газеты сообщают (июнь 1916) о новом гигантском тресте, объединяющем химическую промышленность Германии.
16. Кестнер, назв. соч., стр. 254.
17. «Zement» von L. Eschwege. «Die Bank», 1909, 1, стр. 115 и следующие («Цемент» Л. Эшвеге. «Банк». *Ред.*).
18. Jeidels. «Das Verhältnis der deutschen Großbanken zur Industrie mit besonderer Berücksichtigung der Eisenindustrie». Lpz., 1905, стр. 271 (Ейдэльс. «Отношение немецких крупных банков к промышленности, в особенности к металлургической промышленности». Лейпциг. *Ред.*).
19. Liefmann. «Beteiligungs- etc. Ges.», стр. 434.
20. Liefmann. «Beteiligungs- etc. Ges.», стр. 465—466.
21. Jeidels, стр. 108.

II. БАНКИ И ИХ НОВАЯ РОЛЬ

Основной и первоначальной операцией банков является посредничество в платежах. В связи с этим банки превращают бездействующий денежный капитал в действующий, т. е. приносящий прибыль, собирают все и всяческие денежные доходы, предоставляя их в распоряжение класса капиталистов.

По мере развития банковского дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки перерастают из скромной роли посредников в несильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большую часть средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран. Это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов перерастания капитализма в капиталистический империализм, и потому на концентрации банковского дела нам надо в первую голову остановиться.

В 1907/8 г. вклады всех акционерных банков Германии, обладавших капиталом более 1 миллиона марок, составляли 7 миллиардов марок; в 1912/3 г. — уже 9,8 миллиарда. Увеличение на 40 % за пять лет, причём из этих 2,8 млрд увеличения 2,75 млрд приходится на 57 банков, имевших капитал свыше 10 миллионов марок. Распределение вкладов между крупными и мелкими банками было следующее^[1]:

	Процент всех вкладов			
	у берлинских крупных банков, числом 9	у остальных 48-ми банков с капиталом свыше 10 млн. марок	у 115 банков с капиталом 1— 10 млн.	у мелких банков (менее 1 млн.)
1907/8.....	47	32,5	16,5	4
1912/3.....	49	36	12	3

Мелкие банки оттеснены крупными, из которых всего девять концентрируют почти половину всех вкладов. Но здесь ещё не принято очень много во внимание, например, превращение целого ряда мелких банков в фактические отделения крупных и т. д., о чём пойдет речь ниже.

В конце 1913 года Шульце-Геверниц определял вклады 9-ти берлинских крупных банков в 5,1 миллиарда марок из общей суммы около 10 миллиардов. Принимая во внимание не только вклады, а весь банковый капитал, тот же автор писал: «В конце 1909 года 9 берлинских крупных банков, вместе с примыкающими к ним банками, управляли 11,3 миллиарда марок, т. е. около 83 % всей суммы немецкого банкового капитала. „Немецкий банк“ („Deutsche Bank“), управляющий, вместе с примыкающими к нему банками, суммой около 3 миллиардов марок, является, рядом с прусским управлением государственных железных дорог, самым крупным, и притом в высокой степени децентрализованным, скоплением капитала в старом свете»^[2].

Мы подчеркнули указание на «примыкающие» банки, ибо оно относится к одной из самых важных отличительных особенностей новейшей капиталистической концентрации. Крупные предприятия, банки в особенности, не только прямо поглощают мелкие, но и «присоединяют» их к себе, подчиняют их, включают в «свою» группу, в свой «концерн» — как гласит технический термин — посредством «участия» в их капитале, посредством скупки или обмена акций, системы долговых отношений и т. п. и т. д. Профессор Лифман посвятил целый огромный «труд» в полтысячи страниц описанию современных «обществ участия и финансирования»^[3] — к сожалению, с добавлением весьма низкопробных «теоретических» рассуждений к часто непереваренному сырому материалу. К какому итогу в смысле концентрации приводит эта система «участий», лучше всего показано в сочинении банкового «деятеля» Риссера о немецких крупных банках. Но прежде чем переходить к его данным, мы приведём один конкретный пример системы «участий».

«Группа» «Немецкого банка» — одна из самых крупных, если не самая крупная, из всех групп больших банков. Чтобы учесть главные нити, связывающие вместе все банки этой группы, надо различать «участия» первой, второй и третьей степени или, что то же, зависимость (более мелких банков от «Немецкого банка») первой, второй и третьей степени. Получается такая картина^[4]:

		Зависимость первой степени:		Зависимость второй степени:		Зависимость третьей степени:	
«Нем. банк» участвует:	постоянно.....	в.....	17 банках;	из них	9 в 34;	из них	4 в 7
	на неизвестное время.....	».....	5 »		—		—
	от времени до времени.....	».....	8 »	» »	5 » 14;	» »	2 » 2
	Всего.....	в.....	30 банках;	из них	14 в 48;	из них	6 в 9

В число 8-ми банков «первой степени зависимости», подчинённых «Немецкому банку» «от времени до времени», входит три заграничных банка: один австрийский (венский «Банковый союз» — «Bankverein») и два русских (Сибирский торговый и Русский банк для внешней торговли). Всего в группу «Немецкого банка» входит, прямо и косвенно, целиком и отчасти, 87 банков, а общая сумма капитала, своего и чужого, которым распоряжается группа, определяется в 2—3 миллиарда марок.

Ясно, что банк, стоящий во главе такой группы и входящий в соглашения с полдюжиной других, немного уступающих ему банков, для особенно больших и выгодных финансовых операций, вроде государственных займов, вырос уже из роли «посредника» и превратился в союз горстки монополистов.

С какой быстротой именно в конце XIX и начале XX века шла концентрация банковского дела в Германии, видно из следующих, приводимых нами в сокращённом виде, данных Риссера:

6 берлинских крупных банков имели

Годы	Отделений в Германии	Депозитных касс и меняльных контор	Постоянн. участия в немецких акционер. банках	Всего всех учреждений
1895.....	16	14	1	42
1900.....	21	40	8	80
1911.....	104	276	63	450

Мы видим, как быстро вырастает густая сеть каналов, охватывающих всю страну, централизующих все капиталы и денежные доходы, превращающих тысячи и тысячи раздробленных хозяйств в единое общенациональное капиталистическое, а затем и всемирно-капиталистическое хозяйство. Та «децентрализация», о которой говорил в приведённой выше цитате Шульце-Геверниц от имени буржуазной политической экономии наших дней, на деле состоит в подчинении единому центру все большего и большего числа бывших ранее сравнительно «самостоятельными» или, вернее, локально (местно)-замкнутыми хозяйственных единиц. На деле, значит, это — *централизация*, усиление роли, значения, мощи монополистических гигантов.

В более старых капиталистических странах эта «банковская сеть» ещё гуще. В Англии с Ирландией в 1910 г. число отделений всех банков определялось в 7151. Четыре крупных банка имели каждый свыше 400 отделений (от 447 до 689), затем ещё 4 свыше 200 и 11 свыше 100.

Во Франции *три* крупнейших банка, «Crédit Lyonnais», «Comptoir National» и «Société Générale»^[5], развивали свои операции и сеть своих отделений следующим образом^[6]:

	Число отделений и касс			Размер капитала	
	в провинции	в Париже	всего	своего (млн. франков)	чужого
1870.....	47	17	64	200	427
1890.....	192	66	258	265	2 245
1909.....	1 033	196	1 229	887	4 363

Для характеристики «связей» современного крупного банка Риссер приводит данные о числе писем, отправляемых и получаемых «Учётным обществом» («Disconto-Gesellschaft»), одним из самых больших банков в Германии и во всем мире (капитал его в 1914 г. дошёл до 300 миллионов марок):

	Число писем	
	входящих	исходящих
1852.....	6 135	6 292
1870.....	85 800	87 513
1900.....	533 102	626 043

В парижском крупном банке, «Лионский кредит», число счетов с 28 535 в 1875 году поднялось до 633 539 в 1912 году^[7].

Эти простые цифры, пожалуй, нагляднее, чем длинные рассуждения, показывают, как с концентрацией капитала и ростом оборотов банков изменяется коренным образом их значение. Из разрозненных капиталистов складывается один коллективный капиталист. Ведя текущий счёт для нескольких капиталистов, банк исполняет как будто бы чисто техническую, исключительно подсобную операцию. А когда эта операция вырастает до гигантских размеров, то оказывается, что горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества, получая возможность — через банковские связи, через текущие счета и другие финансовые операции — сначала *точно узнавать* состояние дел у отдельных капиталистов, затем *контролировать* их, влиять на них посредством расширения или сужения, облегчения или затруднения кредита, и наконец *всецело определять* их судьбу, определять их доходность, лишать их капитала или давать возможность быстро и в громадных размерах увеличивать их капитал и т. п.

Мы упомянули сейчас о капитале в 300 млн. марок у «Учётного общества» в Берлине. Это увеличение капитала «Учётным обществом» было одним из эпизодов борьбы за гегемонию между двумя из самых больших берлинских банков, «Немецким банком» и «Учётным обществом». В 1870 году первый был ещё новичком и обладал капиталом всего в 15 млн, второй в 30 млн. В 1908 году первый имел капитал в 200 млн., второй в 170 млн. В 1914 году первый поднял капитал до 250 млн., второй, посредством слияния с другим первоклассно-крупным банком, «Шафгаузенским союзным банком», до 300 млн. И, разумеется, эта борьба за гегемонию идёт рядом с учащающимися и упрочивающимися «соглашениями» обоих банков. Вот какие выводы навязывает этот ход развития специалистам по банковому делу, смотрящим на экономические вопросы с точки зрения, никоим образом не выходящей за пределы умереннейшего и аккуратнейшего буржуазного реформаторства:

«Другие банки последуют по тому же пути, — писал немецкий журнал „Банк“ по поводу повышения капитала „Учётного общества“ до 300 млн., — и из 300 человек, которые теперь экономически правят Германией, останется со временем 50, 25 или ещё менее. Нельзя ожидать, что новейшее концентрационное движение ограничится одним банковым делом. Тесные связи между отдельными банками естественно ведут также к сближению между синдикатами промышленников, которым покровительствуют эти банки... В один прекрасный день мы проснёмся, и перед нашими изумленными глазами окажутся одни только тресты; перед нами будет стоять необходимость

заменить частные монополии государственными монополиями. И тем не менее нам, в сущности, не за что упрекнуть себя кроме как за то, что мы предоставили развитию вещей свободный ход, немного ускоренный акцией»^[8].

Вот образец беспомощности буржуазной публицистики, от которой буржуазная наука отличается только меньшей искренностью и стремлением затушевать суть дела, заслонить лес деревьями. «Изумляться» перед последствиями концентрации, «упрекать» правительство капиталистической Германии или капиталистическое «общество» («мы»), бояться «ускорения» концентрации от введения акций, как один немецкий специалист «по картелям», Чиршки, боится американских трестов и «предпочитает» немецкие картели, ибо они будто бы способны «не так чрезмерно ускорять технический и экономический прогресс, как тресты»^[9], — разве это не беспомощность?

Но факты остаются фактами. В Германии нет трестов, а есть «только» картели, но ею *управляют* не более 300 магнатов капитала. И число их неуклонно уменьшается. Банки во всяком случае, во всех капиталистических странах, при всех разновидностях банковского законодательства, — во много раз усиливают и ускоряют процесс концентрации капитала и образования монополий.

«Банки создают в общественном масштабе форму, но именно только форму, общего счетоводства и общего распределения средств производства», — писал Маркс полвека тому назад в «Капитале» (рус. пер., т. III, ч. II, с. 144). Приведённые нами данные о росте банковского капитала, об увеличении числа контор и отделений крупнейших банков, числа их счетов и пр. показывают нам конкретно это «общее счетоводство» *всего* класса капиталистов и даже не только капиталистов, ибо банки собирают, хотя бы на время, всяческие денежные доходы, и мелких хозяйчиков, и служащих, и ничтожного верхнего слоя рабочих. «Общее распределение средств производства» — вот что *растёт*, с формальной стороны дела, из современных банков, которые, в числе каких-нибудь трёх — шести крупнейших банков Франции, шести — восьми в Германии, распоряжаются миллиардами и миллиардами. Но по *содержанию* своему это распределение средств производства совсем не «общее», а частное, т. е. сообразованное с интересами крупного — и в первую голову крупнейшего, монополистического — капитала, действующего в таких условиях, когда масса населения живёт впроголодь, когда всё развитие земледелия безнадежно отстаёт от развития промышленности, а в промышленности «тяжелая индустрия» берёт дань со всех остальных её отраслей.

В деле обобществления капиталистического хозяйства конкуренцию банкам начинают оказывать сберегательные кассы и почтовые учреждения, которые более «децентрализованы», т. е. захватывают в круг своего влияния большее количество местностей, большее число захолустий, более широкие круги населения. Вот данные, собранные американской комиссией, по вопросу о сравнительном развитии вкладов в банки и в сберегательные кассы^[10]:

	Вклады (в миллиардах марок)						
	Англия		Франция		Германия		
	в банки	в сбер. кассы	в банки	в сбер. кассы	в банки	в кред. товарищ. кассы	
1880.....	8,4	1,6	?	0,9	0,5	0,4	2,6
1888.....	12,4	2,0	1,5	2,1	1,1	0,4	4,5
1908.....	23,2	4,2	3,7	4,2	7,1	2,2	13,9

Платя по 4 и по 4¼ % по вкладам, сберегательные кассы вынуждены искать «доходного» помещения своим капиталам, пускаться в вексельные, ипотечные и прочие операции. Границы между банками и сберегательными кассами «все более стираются». Торговые палаты, например, в Бохуме, в Эрфурте, требуют «запретить» сберегательным кассам вести «чисто» банковские операции вроде учёта векселей, требуют ограничения «банковской» деятельности почтовых учреждений^[11]. Банковые тузы как бы боятся, не подкрадывается ли к ним государственная монополия с неожиданной стороны. Но, разумеется, эта боязнь не выходит за пределы конкуренции, так сказать, двух столоначальников в одной канцелярии. Ибо, с одной стороны, миллиардными капиталами сберегательных касс распоряжаются на деле в конце концов *те же* магнаты банковского капитала; а с другой стороны, государственная монополия в капиталистическом обществе есть лишь средство повышения и закрепления доходов для близких к банкротству миллионеров той или иной отрасли промышленности.

Смена старого капитализма, с господством свободной конкуренции, новым капитализмом, с господством монополии, выражается, между прочим, в падении значения биржи. «Биржа давно перестала быть, — пишет журнал „Банк“, — необходимым посредником обращения, каким она была раньше, когда банки не могли ещё размещать большей части выпускаемых фондовых ценностей среди своих клиентов»^[12].

«„Всякий банк есть биржа“ — это современное изречение заключает в себе тем больше правды, чем крупнее банк, чем больше успехов делает концентрация в банковом деле»^[13]. «Если прежде, в 70-х годах, биржа, с её юношескими эксцессами» («тонкий» намёк на биржевой крах 1873 г., на грюндерские скандалы и пр.), «открывала эпоху индустриализации Германии, то в настоящее время банки и промышленность могут „справляться самостоятельно“. Господство наших крупных банков над биржей... есть не что иное, как выражение полностью организованного немецкого промышленного государства. Если таким образом суживается область действия автоматически функционирующих экономических законов и чрезвычайно расширяется область сознательного регулирования через банки, то в связи с этим гигантски возрастает и народнохозяйственная ответственность немногих руководящих лиц», — так пишет немецкий профессор Шульце-Геверниц^[14], апологет немецкого империализма, авторитет для империалистов всех стран, старающийся затушевать «мелочь», именно, что это «сознательное регулирование» через банки состоит в обирании публики

горсткою «полностью организованных» монополистов. Задача буржуазного профессора состоит не в раскрытии всей механики, не в разоблачении всех проделок банковых монополистов, а в прикрашивании их.

Точно так же и Риссер, ещё более авторитетный экономист и банковый «деятель», отделяется ничего не говорящими фразами по поводу фактов, отрицать которые невозможно: «биржа всё более теряет безусловно необходимое для всего хозяйства и для обращения ценных бумаг свойство быть не только самым точным измерительным инструментом, но и почти автоматически действующим регулятором экономических движений, стекающихся к ней»^[15].

Другими словами: старый капитализм, капитализм свободной конкуренции с безусловно необходимым для него регулятором, биржей, отходит в прошлое. Ему на смену пришёл новый капитализм, носящий на себе явные черты чего-то переходного, какой-то смеси свободной конкуренции с монополией. Естественно напрашивается вопрос, к чему «переходит» этот новейший капитализм, но поставить этот вопрос буржуазные учёные боятся.

«Тридцать лет тому назад свободно конкурирующие предприниматели выполняли $\frac{9}{10}$ той экономической работы, которая не принадлежит к области физического труда „рабочих“. В настоящее время чиновники выполняют $\frac{9}{10}$ этой экономической умственной работы. Банковое дело стоит во главе этого развития»^[16]. Это признание Шульце-Геверница ещё и ещё раз упирается в вопрос о том, переходом к чему является новейший капитализм, капитализм в его империалистической стадии.— — —

Между немногими банками, которые в силу процесса концентрации остаются во главе всего капиталистического хозяйства, естественно всё больше намечается и усиливается стремление к монополистическому соглашению, к *тресту банков*. В Америке не девять, а *два* крупнейших банка, миллиардеров Рокфеллера и Моргана, господствуют над капиталом в 11 миллиардов марок^[17]. В Германии отмеченное нами выше поглощение «Шафгаузенского союзного банка» «Учётным обществом» вызвало следующую оценку со стороны газеты биржевых интересов, «Франкфуртской Газеты»:

«С ростом концентрации банков суживается тот круг учреждений, к которому вообще можно обратиться за кредитом, в силу чего увеличивается зависимость крупной промышленности от немногих банковых групп. При тесной связи между промышленностью и миром финансистов, свобода движения промышленных обществ, нуждающихся в банковом капитале, оказывается стесненной. Поэтому крупная промышленность смотрит на усиливающееся трестирование (объединение или превращение в тресты) банков со смешанными чувствами; в самом деле, уже неоднократно приходилось наблюдать зачатки известных соглашений между отдельными концернами крупных банков, соглашений, сводящихся к ограничению конкуренции»^[18].

Опять и опять последнее слово в развитии банкового дела — монополия.

Что касается до тесной связи между банками и промышленностью, то именно в этой области едва ли не нагляднее всего сказывается новая роль банков. Если банк учитывает векселя данного предпринимателя открывает для него текущий счёт и т. п., то эти операции, взятые в отдельности, ни на йоту не уменьшают самостоятельности этого предпринимателя, и банк не выходит из скромной роли посредника. Но если эти операции учащаются и упрочиваются, если банк «собирает» в свои руки громадных размеров капиталы, если ведение текущих счетов данного предприятия позволяет банку — а это так и бывает — всё детальнее и полнее узнавать экономическое положение его клиента, то в результате получается все более полная зависимость промышленного капиталиста от банка.

Вместе с этим развивается, так сказать, личная уния банков с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли, слияние тех и других посредством владения акциями, посредством вступления директоров банков в члены наблюдательных советов (или правлений) торгово-промышленных предприятий и обратно. Немецкий экономист Ейдэльс собрал подробнейшие данные об этом виде концентрации капиталов и предприятий. Шесть крупнейших берлинских банков были представлены через своих директоров в 344 промышленных обществах и через своих членов правления еще в 407, итого в 751 обществе. В 289 обществах они имели либо по два члена наблюдательных советов либо места их председателей. Среди этих торгово-промышленных обществ мы встречаем самые разнообразные отрасли промышленности, и страховое дело, и пути сообщения, и рестораны, и театры, и художественную промышленность и пр. С другой стороны, в наблюдательных советах тех же шести банков был (в 1910 г.) 51 крупнейший промышленник, в том числе директор фирмы Крупп, гигантского паровозного общества «Нараг» (Hamburg — Amerika) и т. д. и т. п. Каждый из шести банков с 1895 по 1910 год участвовал в выпуске акций и облигаций для многих сотен промышленных обществ, именно: от 281 до 419^[19].

«Личная уния» банков с промышленностью дополняется «личной унией» тех и других обществ с правительством. «Места членов наблюдательных советов, — пишет Ейдэльс, — добровольно предоставляют лицам с громкими именами, а также бывшим чиновникам по государственной службе, которые могут доставить не мало облегчений (!!) при сношениях с властями»... «В наблюдательном совете крупного банка встречаешь обыкновенно члена парламента или члена берлинской городской Думы».

Выработка и разработка, так сказать, крупнокапиталистических монополий идёт, следовательно, на всех парах всеми «естественными» и «сверхъестественными» путями. Складывается систематически известное разделение труда между несколькими сотнями финансовых королей современного капиталистического общества:

«Наряду с этим расширением области деятельности отдельных крупных промышленников» (вступающих в правления банков и т. п.) «и с предоставлением в ведение провинциальных директоров банков исключительно одного определенного промышленного округа идёт известный рост специализации среди руководителей крупных банков. Такая специализация мыслима вообще лишь при больших размерах

всего банковского предприятия и его промышленных связей в особенности. Это разделение труда идёт по двум направлениям: с одной стороны, сношения с промышленностью в целом поручаются одному из директоров, как его специальное дело; с другой стороны, каждый директор берёт на себя надзор за отдельными предприятиями или за группами предприятий, близких между собой по профессии или по интересам». ... (Капитализм уже дорос до организованного надзора за отдельными предприятиями)... «У одного специальностью является германская промышленность, иногда даже только западногерманская» (западная Германия — наиболее промышленная часть Германии), «у других — отношения к государствам и промышленности заграницы, сведения о личности промышленников и пр., биржевые дела и т. д. Кроме того, часто каждый из директоров банка получает в своё заведование особую местность или особую отрасль промышленности; один работает главным образом в наблюдательных советах электрических обществ, другой в химических фабриках, пивоваренных или свеклосахарных заводах, третий в немногих изолированных предприятиях, а рядом с этим в наблюдательном совете страховых обществ... Одним словом, несомненно, что в крупных банках, по мере роста размеров и разнообразия их операций, складывается всё большее разделение труда между руководителями, — с той целью (и с таким результатом), чтобы несколько поднять их, так сказать, выше чисто банковых дел, сделать их более способными к суждению, более знающими толк в общих вопросах промышленности и в специальных вопросах отдельных её отраслей, подготовить их к деятельности в области промышленной сферы влияния банка. Эта система банков дополняется стремлением выбирать в свои наблюдательные советы людей, хорошо знакомых с промышленностью, предпринимателей, бывших чиновников, особенно служивших по железнодорожному, горному ведомству» и т. д.^[20].

Однородные учреждения, только в иной чуточку форме, встречаем в французском банковом деле. Например, один из трёх крупнейших французских банков, «Лионский кредит», организовал у себя особое «отделение сбора финансовых сведений» (*service des études financières*). В нем работает постоянно свыше 50 человек инженеров, статистиков, экономистов, юристов и пр. Стоит оно от 6 до 7 сот тысяч франков в год. Подразделено в свою очередь на 8 отделов: один собирает сведения специально о промышленных предприятиях, другой изучает общую статистику, третий — железнодорожные и пароходные общества, четвертый — фонды, пятый — финансовые отчеты и т. д.^[21].

Получается, с одной стороны, всё большее слияние, или, как выразился удачно Н. И. Бухарин, сращивание банкового и промышленного капиталов, а с другой стороны, перерастание банков в учреждения поистине «универсального характера». Мы считаем необходимым привести точные выражения по этому вопросу Ейдэльса, писателя, лучше всех изучавшего дело:

«Как результат рассмотрения промышленных связей в их совокупности, мы получаем *универсальный характер* финансовых институтов, работающих на промышленность. В противоположность к другим формам банков, в противоположность к выставившимся иногда в литературе требованиям, что банки должны специализироваться на определённой области дел или отрасли промышленности,

чтобы не терять почвы под ногами, — крупные банки стремятся сделать свои связи с промышленными предприятиями как можно более разнообразными по месту и роду производства, стараются устранить те неравномерности в распределении капитала между отдельными местностями или отраслями промышленности, которые объясняются из истории отдельных предприятий». «Одна тенденция состоит в том, чтобы сделать связь с промышленностью общим явлением; другая — в том, чтобы сделать её прочной и интенсивной; обе осуществлены в шести крупных банках не полностью, но уже в значительных размерах и в одинаковой степени».

Со стороны торгово-промышленных кругов нередко слышатся жалобы на «терроризм» банков. И неудивительно, что подобные жалобы раздаются, когда крупные банки «командуют» так, как показывает следующий пример. 19 ноября 1901 года один из так называемых берлинских *d* банков (названия четырёх крупнейших банков начинаются на букву *d*) обратился к правлению северозападносредненемецкого цементного синдиката со следующим письмом: «Из сообщения, которое вы опубликовали 18-го текущего месяца в газете такой-то, видно, что мы должны считаться с возможностью, что на общем собрании вашего синдиката, имеющем состояться 30-го сего месяца, будут приняты решения, способные произвести в вашем предприятии изменения, для нас неприемлемые. Поэтому мы, к нашему глубокому сожалению, вынуждены прекратить вам тот кредит, коим вы пользовались... Но если на этом общем собрании не будет принято неприемлемых для нас решений и нам будут даны соответствующие гарантии в этом отношении насчёт будущего, то мы выражаем готовность вступить в переговоры об открытии вам нового кредита»^[22].

В сущности, это те же жалобы мелкого капитала на гнёт крупного, только в разряд «мелких» попал здесь целый синдикат! Старая борьба мелкого и крупного капитала возобновляется на новой, неизмеримо более высокой ступени развития. Понятно, что и технический прогресс миллиардные предприятия крупных банков могут двигать вперёд средствами, не идущими ни в какое сравнение с прежними. Банки учреждают, например, особые общества технических исследований, результатами которых пользуются, конечно, только «дружественные» промышленные предприятия. Сюда относится «Общество для изучения вопроса об электрических железных дорогах», «Центральное бюро для научно-технических исследований» и т. п.

Сами руководители крупных банков не могут не видеть, что складываются какие-то новые условия народного хозяйства, но они беспомощны перед ними:

«Кто наблюдал в течение последних лет, — пишет Ейдэльс, — смену лиц на должностях директоров и членов наблюдательных советов крупных банков, тот не мог не заметить, как власть переходит постепенно в руки лиц, считающих необходимой и всё более насущной задачей крупных банков активное вмешательство в общее развитие промышленности, причём между этими лицами и старыми директорами банков развивается отсюда расхождение на деловой, а часто и на личной почве. Дело идёт в сущности о том, не страдают ли банки, как кредитные учреждения, от этого вмешательства банков в промышленный процесс производства, не приносятся ли солидные принципы и верная прибыль в жертву такой деятельности, которая не имеет ничего общего с посредничеством в доставлении кредита и которая заводит банк в

такую область, где он ещё больше подчинён слепому господству промышленной конъюнктуры, чем прежде. Так говорят многие из старых руководителей банков, а большинство молодых считает активное вмешательство в вопросы промышленности такой же необходимостью, как и та, которая вызвала к жизни вместе с современной крупной промышленностью и крупные банки и новейшее промышленное банковское предприятие. Лишь в том согласны между собою обе стороны, что не существует ни твёрдых принципов, ни конкретной цели для новой деятельности крупных банков»^[23].

Старый капитализм отжил. Новый является переходом к чему-то. Найти «твёрдые принципы и конкретную цель» для «примирения» монополии со свободной конкуренцией, разумеется, дело безнадежное. Признание практиков звучит совсем не так, как казённое воспевание прелестей «организованного» капитализма его апологетами вроде Шульце-Геверница, Лифмана и тому подобными «теоретиками».

К какому именно времени относится окончательное установление «новой деятельности» крупных банков, на этот важный вопрос мы находим довольно точный ответ у Ейдэльса:

«Связи между промышленными предприятиями, с их новым содержанием, новыми формами, новыми органами, именно: крупными банками, организованными одновременно и централистически и децентралистически, образуются как характерное народнохозяйственное явление едва ли раньше 1890 годов; в известном смысле можно даже отодвинуть этот начальный пункт до 1897 года, с его крупными „слияниями“ предприятий, вводящими впервые новую форму децентрализованной организации ради соображений промышленной политики банков. Этот начальный пункт можно, пожалуй, отодвинуть ещё на более поздний срок, ибо лишь кризис 1900 года гигантски ускорил процесс концентрации и в промышленности и в банковом деле, закрепил этот процесс, впервые превратил сношения с промышленностью в настоящую монополию крупных банков, сделал эти сношения значительно более тесными и интенсивными»^[24].

Итак, XX век — вот поворотный пункт от старого к новому капитализму, от господства капитала вообще к господству финансового капитала.

-
1. Alfred Lansburgh. «Fünf Jahre d. Bankwesen», «Die Bank», 1913, № 8, стр. 728 (Альфред Лансбург. «Пять лет деятельности немецких банков», «Банк». *Ред.*).
 2. Schulze-Gævernitz. «Die deutsche Kreditbank» в «Grundriß der Sozialökonomik». Tüb., 1915, стр. 12 и 137 (Шульце-Геверниц. «Немецкий кредитный банк» в «Основах социальной экономики». Тюбинген. *Ред.*).
 3. R. Liefmann. «Beteiligungs- und Finanzierungsgesellschaften. Eine Studie über den modernen Kapitalismus und das Effektenwesen», 1. Aufl., Jena, 1909, стр. 212.
 4. Alfred Lansburgh. «Das Beteiligungssystem im deutschen Bankwesen», «Die Bank», 1910, 1, стр. 500 (Альфред Лансбург. «Система участия в немецком банковом деле», «Банк». *Ред.*).
 5. «Лионский кредит», «Национальная учетная контора» и «Генеральное общество». *Ред.*
 6. Eugen Kaufmann. «Das französische Bankwesen», Tüb., 1911, стр. 356 и 362 (Евгений Кауфман. «Банковое дело во Франции». Тюбинген. *Ред.*).
 7. Jean Lescure. «L'épargne en France». P., 1914, стр. 52 (Жан Лескюр. «Сбережения во Франции». Париж. *Ред.*).
 8. A. Lansburgh. «Die Bank mit den 300 Millionen», «Die Bank», 1914, 1, стр. 426 (А. Лансбург. «Банк с 300 миллионами», «Банк». *Ред.*).

9. S. Tschierschky, назв. соч., стр. 128.
10. Данные американской National Monetary Commission в «Die Bank» (Национальной денежной комиссии в журнале «Банк», *Ред.*), 1910, 2, стр. 1200.
11. Данные американской National Monetary Commission в «Die Bank», 1913, стр. 811, 1022; 1914, стр. 713.
12. «Die Bank», 1914, 1, стр. 316.
13. Dr. Oscar Stillich. «Geld- und Bankwesen». Berlin, 1907, стр. 169 (Д-р Оскар Штиллих. «Деньги и банковое дело». Берлин. *Ред.*).
14. Schulze-Gævernitz. «Die deutsche Kreditbank» в «Grundriß der Sozialökonomik». Tüb., 1915, стр. 101.
15. Риссер, назв. соч., стр. 629 по 4 изд.
16. Schulze-Gævernitz. «Die deutsche Kreditbank» в «Grundriß der Sozialökonomik». Tüb., 1915, стр. 151.
17. «Die Bank», 1912, 1, стр. 435.
18. Цитировано у Шульце-Геверница в «Grdr. d. S.-Ök.», стр. 155.
19. Ейдэльс и Риссер, назв. соч.
20. Ейдэльс, назв. соч., стр. 156—157.
21. Статья Eug. Kaufmann'a о французских банках в «Die Bank», 1909, 2, стр. 851 слл.
22. Dr. Oscar Stillich. «Geld- und Bankwesen». Berlin, 1907, стр. 147.
23. Ейдэльс, назв. соч., стр. 183—184.
24. Ейдэльс, назв. соч., стр. 181.

III. ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ И ФИНАНСОВАЯ ОЛИГАРХИЯ

«Всё возрастающая часть промышленного капитала, — пишет Гильфердинг, — не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банка, который представляет по отношению к ним собственников этого капитала. С другой стороны, и банку всё возрастающую часть своих капиталов приходится закреплять в промышленности. Благодаря этому он в постоянно возрастающей мере становится промышленным капиталистом. Такой банковый капитал, — следовательно, капитал в денежной форме, — который таким способом в действительности превращён в промышленный капитал, я называю финансовым капиталом». «Финансовый капитал: капитал, находящийся в распоряжении банков и применяемый промышленниками»^[1].

Это определение неполно постольку, поскольку в нём нет указания на один из самых важных моментов, именно: на рост концентрации производства и капитала в такой сильной степени, когда концентрация приводит и привела к монополии. Но во всём изложении Гильфердинга вообще, в частности в обеих главах, предшествующих той, из которой взято это определение, подчеркивается роль капиталистических *монополий*.

Концентрация производства; монополии, вырастающие из неё; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия.

Нам следует перейти теперь к описанию того, как «хозяйничанье» капиталистических монополий становится неизбежно, в общей обстановке товарного производства и частной собственности, господством финансовой олигархии. Заметим, что представители буржуазной немецкой — да и не одной немецкой — науки, как Риссер, Шульце-Геверниц, Лифман и пр., являются сплошь апологетами империализма и финансового капитала. Они не вскрывают, а затушёвывают и прикрашивают «механику» образования олигархии, её приёмы, размеры её доходов, «безгрешных и грешных», её связи с парламентами и пр. и т. д. Они отделяются от «проклятых вопросов» важными, тёмными фразами, призывами к «чувству ответственности» директоров банков, восхвалением «чувства долга» прусских чиновников, серьёзным разбором мелочей совершенно несерьёзных законопроектов о «надзоре», «регламентации», теоретической игрой в бирюльки вроде, например, следующего «научного» определения, до которого дописался профессор Лифман: «... **торговля есть промысловая деятельность, направленная к собиранию благ, хранению их и предоставлению их в распоряжение**»^[2] (курсив и жирный шрифт в сочинении профессора)... Выходит, что торговля была у первобытного человека, который ещё не знал обмена, будет и в социалистическом обществе!

Но чудовищные факты, касающиеся чудовищного господства финансовой олигархии, настолько бьют в глаза, что во всех капиталистических странах, и в Америке, и во Франции, и в Германии, возникла литература, стоящая на *буржуазной* точке зрения и

дающая всё же приблизительно правдивую картину и — мещанскую, конечно, — критику финансовой олигархии.

Во главу угла следует поставить ту «систему участия», о которой несколько слов сказано уже было выше. Вот как описывает суть дела едва ли не раньше других обративший на неё внимание немецкий экономист Гейман:

«Руководитель контролирует основное общество („общество-мать“ буквально); оно в свою очередь господствует над зависимыми от него обществами („обществами-дочерьми“), эти последние — над „обществами-внуками“ и т. д. Таким образом можно, владея не слишком большим капиталом, господствовать над гигантскими областями производства. В самом деле, если обладания 50 % капитала всегда бывает достаточно для контроля над акционерным обществом, то руководителю надо обладать лишь 1 миллионом, чтобы иметь возможность контролировать 8 миллионов капитала у „обществ-внуков“. А если этот „переплёт“ идёт дальше, то с 1 миллионом можно контролировать 16 миллионов, 32 миллиона и т. д.»^[3].

На самом деле опыт показывает, что достаточно владеть 40 % акций, чтобы распоряжаться делами акционерного общества^[4], ибо известная часть раздробленных, мелких акционеров не имеет на практике никакой возможности принимать участие в общих собраниях и т. д. «Демократизация» владения акциями, от которой буржуазные софисты и оппортунистические «тоже-социал-демократы» ожидают (или уверяют, что ожидают) «демократизации капитала», усиления роли и значения мелкого производства и т. п., на деле есть один из способов усиления мощи финансовой олигархии. Поэтому, между прочим, в более передовых или более старых и «опытных» капиталистических странах законодательство разрешает более мелкие акции. В Германии закон не разрешает акций менее, чем на сумму в 1000 марок, и немецкие финансовые магнаты с завистью смотрят на Англию, где закон разрешает акции и в 1 фунт стерлингов (= 20 марок, около 10 рублей). Сименс, один из крупнейших промышленников и «финансовых королей» Германии, заявил в рейхстаге 7 июня 1900 г., что «акция в 1 фунт стерлингов есть основа британского империализма»^[5]. У этого купца заметно более глубокое, более «марксистское» понимание того, что такое империализм, чем у некоего неприличного писателя, который считается основателем русского марксизма и который полагает, что империализм есть дурное свойство одного из народов...

Но «система участия» не только служит к гигантскому увеличению власти монополистов, она кроме того позволяет безнаказанно обделывать какие угодно тёмные и грязные дела и обирать публику, ибо руководители «общества-матери» формально, по закону, не отвечают за «общество-дочь», которое считается «самостоятельным» и *через* которое можно всё «провести». Вот пример, заимствуемый нами из майской книжки немецкого журнала «Банк» за 1914 год:

«„Акционерное общество пружинной стали“ в Касселе несколько лет тому назад считалось одним из самых доходных предприятий Германии. Плохое управление довело дело до того, что дивиденды упали с 15 % до 0 %. Как оказалось, правление без ведома акционеров дало в ссуду одному из своих „обществ-дочерей“, „Хассия“,

номинальный капитал которого составлял всего несколько сот тысяч марок, 6 миллионов марок. Об этой ссуде, которая почти втрое превышает акционерный капитал „общества-матери“, в балансах последнего ничего не значилось; юридически такое умолчание было вполне законно и могло длиться целых два года, ибо ни единый параграф торгового законодательства этим не нарушался. Председатель наблюдательного совета, который, в качестве ответственного лица, подписывал лживые балансы, был и остается председателем Кассельской торговой палаты. Акционеры узнали об этой ссуде обществу „Хассия“ лишь долго спустя после того, как она оказалась ошибкой...» (это слово автору следовало бы поставить в кавычки)... «и когда акции „пружинной стали“, в силу того, что их стали сбывать с рук посвященные, пали в цене приблизительно на 100 %...

Этот типичный пример эквилибристики с балансами, самой обычной в акционерных обществах, объясняет нам, почему правления акционерных обществ с гораздо более легким сердцем берутся за рискованные дела, чем частные предприниматели. Новейшая техника составления балансов не только даёт им возможность скрывать рискованные дела от среднего акционера, но и позволяет главным заинтересованным лицам сваливать с себя ответственность посредством своевременной продажи акций в случае неудачи эксперимента, тогда как частный предприниматель отвечает своей шкурой за всё, что он делает...

Балансы многих акционерных обществ похожи на те известные из эпохи средних веков палимпсесты, на которых надо было сначала стереть написанное, чтобы открыть стоящие под ним знаки, дающие действительное содержание рукописи» (палимпсесты — пергамент, на котором основная рукопись затерта и по затёртому написано другое).

«Самое простое и поэтому всего чаще употребляемое средство делать балансы непроницаемыми состоит в том, чтобы разделить единое предприятие на несколько частей посредством учреждения „обществ-дочерей“ или посредством присоединения таковых. Выгоды этой системы с точки зрения различных целей — законных и незаконных — до того очевидны, что в настоящее время прямо-таки исключением являются крупные общества, которые бы не приняли этой системы»^[6].

Как пример крупнейшего и монополистического общества, самым широким образом прибегающего к этой системе, автор называет знаменитое «Всеобщее общество электричества» (А. Е. Г., о нём у нас будет ещё речь ниже). В 1912 году считали, что это общество участвует в 175—200 обществах, господствуя, разумеется, над ними и охватывая, в целом, капитал около 1½ миллиарда марок^[7].

Всякие правила контроля, публикации балансов, выработки определенной схемы для них, учреждения надзора и т. п., чем занимают внимание публики благонамеренные — т. е. имеющие благое намерение защищать и прикрашивать капитализм — профессора и чиновники, не могут тут иметь никакого значения. Ибо частная собственность священна, и никому нельзя запретить покупать, продавать, обменивать акции, закладывать их и т. д.

О том, каких размеров «система участия» достигла в русских крупных банках, можно судить по данным, сообщаемым Е. Агадом, который 15 лет служил чиновником русско-китайского банка и в мае 1914 г. опубликовал сочинение под не совсем точным заглавием: «Крупные банки и всемирный рынок»**. Автор делит крупные русские банки на две основные группы: а) работающие при «системе участия» и б) «независимые», произвольно понимая, однако, под «независимостью» независимость от заграничных банков; первую группу автор делит на три подгруппы: 1) немецкое участие; 2) английское и 3) французское, имея в виду «участие» и господство крупнейших заграничных банков соответствующей национальности. Капиталы банков автор делит на «продуктивно» помещаемые (в торговлю и промышленность) и «спекулятивно» помещаемые (в биржевые и финансовые операции), полагая, со свойственной ему мелкобуржуазно-реформистской точки зрения, будто можно при сохранении капитализма отделить первый вид помещения от второго и устранить второй вид.

Данные автора следующие:

Актив банков (по отчётам за октябрь — ноябрь 1913 г.)
в млн. руб.

Группы русских банков:	Капиталы, помещаемые		
	продуктивно	спекулятивно	всего
а 1) 4 банка: Сиб. торг., Русск., Международн. и Учётн.	413,7	859,1	1 272,8
а 2) 2 банка: Торг.-промышл. и Русско- английский	239,3	169,1	408,4
а 3) 5 банков: Рус.-азиат., СПб. части., Аз.- донской, Унион моск., Русско-франц. торг.	711,8	661,2	1 373,0
(11 банков) Итого а)=	1 364,8	1 689,4	3 054,2
б) 8 банков: Моск.-купеч.; Волж.-камск.; Юнкер и К ^о ; СПб. торг., бывш. Вавельберг; Моск., бывш. Рябушинского; Моск. учётный; Моск. торговый и Моск. частный...	504,2	391,1	895,3
(19 банков) Итого	1 869,0	2 080,5	3 949,5

По этим данным, из почти 4-х миллиардов рублей, составляющих «работающий» капитал крупных банков, *свыше* $\frac{3}{4}$, более 3-х миллиардов, приходится на долю банков, которые представляют из себя, в сущности, «общества-дочери» заграничных банков, в первую голову парижских (знаменитое банковое трио: «Парижский союз»; «Парижский и Нидерландский»; «Генеральное общество») и берлинских (особенно «Немецкий» и «Учётное общество»). Два крупнейших русских банка, «Русский» («Русский банк для внешней торговли») и «Международный» («СПБ. Международный торговый банк»)

повысили свои капиталы с 1906 по 1912 год с 44 до 98 млн руб., а резервы с 15 до 39 млн, «работая на $\frac{3}{4}$ немецкими капиталами»; первый банк принадлежит к «концерну» берлинского «Немецкого банка», второй — берлинского «Учётного общества». Добрый Агад глубоко возмущается тем, что берлинские банки имеют в своих руках большинство акций и что поэтому русские акционеры бессильны. И разумеется, страна, вывозящая капитал, снимает сливки: например, берлинский «Немецкий банк», вводя в Берлине акции Сибирского торгового банка, продержал их год у себя в портфеле, а затем продал по курсу 193 за 100, т. е. почти вдвое, «заработав» около 6 млн рублей барыша, который Гильфердинг назвал «учредительским барышом».

Всю «мощь» петербургских крупнейших банков автор определяет в 8235 миллионов рублей, почти $8\frac{1}{4}$ миллиардов, причём «участие», а вернее господство, заграничных банков он распределяет так: французские банки — 55 %; английские — 10 %; немецкие — 35 %. Из этой суммы, 8235 миллионов, функционирующего капитала — 3687 миллионов, т. е. свыше 40 %, приходится, по расчёту автора, на синдикаты: Продуголь, Продамет, синдикаты в нефтяной, металлургической и цементной промышленности. Следовательно, слияние банкового и промышленного капитала, в связи с образованием капиталистических монополий, сделало и в России громадные шаги вперёд.

Финансовый капитал, концентрированный в немногих руках и пользующийся фактической монополией, берёт громадную и всё возрастающую прибыль от учредительства, от выпуска фондовых бумаг, от государственных займов и т. п., закрепляя господство финансовой олигархии, облагая всё общество данью монополистам. Вот — один из бесчисленных примеров «хозяйничанья» американских трестов, приводимый Гильфердингом: в 1887 году Гавемейер основал сахарный трест посредством слияния 15-ти мелких компаний, общий капитал которых равнялся $6\frac{1}{2}$ млн долларов. Капитал же треста был, по американскому выражению, «разведен водой», определен в 50 миллионов долларов. «Перекапитализация» усчитывала будущие монопольные прибыли, как стальной трест в той же Америке усчитывает будущие монопольные прибыли, скупая всё больше железорудных земель. И действительно, сахарный трест установил монопольные цены и получил такие доходы, что мог уплачивать по 10 % дивиденда на капитал, *в семь раз «разведённый водой»*, т. е. почти 70 % на капитал, *действительно внесённый при основании треста!* В 1909 г. капитал треста составлял 90 млн долларов. За двадцать два года более чем удесятерение капитала.

Во Франции господство «финансовой олигархии» («Против финансовой олигархии во Франции» — заглавие известной книги Лизиса, вышедшей пятым изданием в 1908 г.) приняло лишь немного изменённую форму. Четыре крупнейших банка пользуются не относительной, а «абсолютной монополией» при выпуске ценных бумаг. Фактически, это — «трест крупных банков». И монополия обеспечивает монопольные прибыли от эмиссий. При займах страна занимающая получает обыкновенно не более 90 % всей суммы; 10 % достаётся банкам и другим посредникам. Прибыль банков от русско-китайского займа в 400 млн франков составляла 8 %, от русского (1904) в 800 млн. — 10 %, от мароккского (1904) в $62\frac{1}{2}$ млн. — $18\frac{3}{4}$ %. Капитализм, начавший своё

развитие с мелкого ростовщического капитала, кончает своё развитие гигантским ростовщическим капиталом. «Французы — ростовщики Европы», — говорит Лизис. Все условия экономической жизни терпят глубокое изменение в силу этого перерождения капитализма. При застое населения, промышленности, торговли, морского транспорта «страна» может богатеть от ростовщичества. «Пятьдесят человек, представляя капитал в 8 миллионов франков, могут распоряжаться двумя миллиардами в четырёх банках». Система «участий», уже знакомая нам, ведёт к тем же последствиям: один из крупнейших банков, «Генеральное общество» (Société Générale), выпускает 64 000 облигаций «общества-дочери», «Рафинадные заводы в Египте». Курс выпуска — 150 %, т. е. банк наживает 50 копеек на рубль. Дивиденды этого общества оказались фиктивными, «публика» потеряла от 90 до 100 млн франков; «один из директоров „Генерального общества“ был членом правления „Рафинадных заводов“». Неудивительно, что автор вынужден сделать вывод: «французская республика есть финансовая монархия»; «полное господство финансовой олигархии; она властвует и над прессой и над правительством»^[8].

Исключительно высокая прибыльность выпуска ценных бумаг, как одной из главных операций финансового капитала, играет очень важную роль в развитии и упрочении финансовой олигархии. «Внутри страны нет ни одного гешефта, который бы давал хотя приблизительно столь высокую прибыль, как посредничество при выпуске иностранных займов», — говорит немецкий журнал «Банк»^[9].

«Нет ни одной банковской операции, которая бы приносила такую высокую прибыль, как эмиссионное дело». На выпуске фондов промышленных предприятий, по данным «Немецкого Экономиста», прибыль составляла в среднем за год:

1895 — 38,6 %	1898 — 67,7 %
1896 — 36,1 »	1899 — 66,9 »
1897 — 66,7 »	1900 — 55,2 »

«В течение десяти лет, 1891—1900, на выпуске немецких промышленных фондов было „заработано“ свыше одного миллиарда»^[10].

Если во время промышленного подъёма необъятно велики прибыли финансового капитала, то во время упадка гибнут мелкие и непрочные предприятия, а крупные банки «участвуют» в скупке их задёшево или в прибыльных «оздоровлениях» и «реорганизациях». При «оздоровлениях» убыточных предприятий «акционерный капитал понижается, т. е. доход распределяется на меньший капитал и в дальнейшем исчисляется уже на него. Или, если доходность понизилась до нуля, привлекается новый капитал, который, соединившись с менее доходным старым, теперь будет

приносить уже достаточный доход. Кстати сказать, — добавляет Гильфердинг, — все эти оздоровления и реорганизации имеют двойное значение для банков: во-первых, как прибыльная операция, и во-вторых, как удобный случай для того, чтобы поставить такие нуждающиеся общества в зависимость от себя»^[11].

Вот пример: акционерное горнопромышленное общество «Унион» в Дортмунде основано в 1872 г. Выпущен был акционерный капитал почти в 40 млн. марок, и курс поднялся до 170 %, когда за первый год получился дивиденд в 12 %. Финансовый капитал снял сливки, заработав мелочь вроде каких-нибудь 28 миллионов. При основании этого общества главную роль играл тот самый крупнейший немецкий банк «Учётное общество», который благополучно достиг капитала в 300 млн. марок. Затем дивиденды «Униона» спускаются до нуля. Акционерам приходится соглашаться на «списывание» капитала, т. е. на потерю части его, чтобы не потерять всего. И вот, в результате ряда «оздоровлений» из книг общества «Унион» в течение 30 лет исчезает более 73 миллионов марок. «В настоящее время первоначальные акционеры этого общества имеют в руках лишь 5 % номинальной стоимости своих акций»^[12], — а на каждом «оздоровлении» банки продолжали «зарабатывать».

Особенно прибыльной операцией финансового капитала является также спекуляция земельными участками в окрестностях быстро растущих больших городов. Монополия банков сливается здесь с монополией земельной ренты и с монополией путей сообщения, ибо рост цен на земельные участки, возможность выгодно продать их по частям и т. д. зависит больше всего от хороших путей сообщения с центром города, а эти пути сообщения находятся в руках крупных компаний, связанных системой участков и распределением директорских мест с теми же банками. Получается то, что немецкий писатель Л. Эшвеге, сотрудник журнала «Банк», специально изучавший операции с торговлей земельными участками, с закладыванием их и т. д., назвал «болотом»: бешеная спекуляция пригородными участками, крахи строительных фирм, вроде берлинской фирмы «Босвау и Кнауэр», нахватавшей денег до 100 миллионов марок при посредстве «солиднейшего и крупнейшего» «Немецкого банка» (Deutsche Bank), который, разумеется, действовал по системе «участий», т. е. тайком, за спиной, и вывернулся, потеряв «всего» 12 миллионов марок, — затем, разорение мелких хозяев и рабочих, ничего не получающих от дутых строительных фирм, мошеннические сделки с берлинской «честной» полицией и администрацией для захвата в свои руки выдачи справок об участках и разрешений городской Думы на возведение построек и пр. и т. д.^[13].

«Американские нравы», по поводу которых так лицемерно возводят очи гори европейские профессора и благонамеренные буржуа, стали в эпоху финансового капитала нравами буквально всякого крупного города в любой стране.

В Берлине в начале 1914 года говорили о том, что предстоит образование «транспортного треста», т. е. «общности интересов» между тремя берлинскими транспортными предприятиями: электрической городской железной дорогой, трамвайным обществом и обществом омнибусов. «Что подобное намерение существует, это мы знали, — писал журнал „Банк“, — с тех пор, как стало известно, что большинство акций общества омнибусов перешло в руки двух других транспортных

обществ. ... Можно вполне поверить лицам, преследующим такую цель, что посредством единообразного регулирования транспортного дела они надеются получить такие сбережения, часть которых в конце концов могла бы достаться публике. Но вопрос усложняется тем, что за этим образующимся транспортным трестом стоят банки, которые, если захотят, могут подчинить монополизированные ими пути сообщения интересам своей торговли земельными участками. Чтобы убедиться в том, насколько естественно такое предположение, достаточно припомнить, что уже при основании общества городской электрической железной дороги тут были замешаны интересы того крупного банка, который поощрял его основание. Именно: интересы этого транспортного предприятия переплетались с интересами торговли земельными участками. Дело в том, что восточная линия этой дороги должна была охватить те земельные участки, которые потом этот банк, когда постройка дороги была уже обеспечена, продал с громадной прибылью для себя и для нескольких участвующих лиц...»^[14]

Монополия, раз она сложилась и ворочает миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни, независимо от политического устройства и от каких бы то ни было других «частностей». В немецкой экономической литературе обычно лакейское самовосхваление честности прусского чиновничества с кивками по адресу французской Панамы или американской политической продажности. Но факт тот, что даже буржуазная литература, посвящённая банковым делам Германии, вынуждена постоянно выходить далеко за пределы чисто банковых операций и писать, например, об «устремлении в банк» по поводу учащающихся случаев перехода чиновников на службу в банки: «как обстоит дело с неподкупностью государственного чиновника, тайное стремление которого направлено к теплому местечку на Бэрэнштрассе?»^[15] — улица в Берлине, где помещается «Немецкий банк». Издатель журнала «Банк» Альфред Лансбург писал в 1909 г. статью: «Экономическое значение византизма», по поводу, между прочим, поездки Вильгельма II в Палестину и «непосредственного результата этой поездки, постройки Багдадской железной дороги, этого рокового „великого дела немецкой предприимчивости“, которое более виновато в „окружении“, чем все наши политические грехи вместе взятые»^[16] — (под окружением разумеется политика Эдуарда VII, стремившегося изолировать Германию и окружить её кольцом империалистского противогерманского союза). Упомянутый уже нами сотрудник того же журнала Эшвеге писал в 1911 г. статью: «Плутократия и чиновничество», разоблачая, например, случай с немецким чиновником Фелькером, который был членом комиссии о картелях и выделялся своей энергией, а некоторое время спустя оказался обладателем доходного местечка в самом крупном картеле, стальном синдикате. Подобные случаи, которые вовсе не случайны, заставляли того же буржуазного писателя признаться, что «обеспеченная германской конституцией экономическая свобода во многих областях хозяйственной жизни стала лишённой содержания фразой» и что при сложившемся господстве плутократии «даже самая широкая политическая свобода не может нас спасти от того, что мы превратимся в народ людей несвободных»^[17].

Что касается России, то мы ограничимся одним примером: несколько лет тому назад все газеты обошло известие о том, что директор кредитной канцелярии Давыдов покидает государственную службу и берёт место в одном крупном банке за жалованье, которое по договору должно было в несколько лет составить сумму свыше 1 миллиона рублей. Кредитная канцелярия есть учреждение, задачей которого является «объединение деятельности всех кредитных учреждений государства» и которое оказывает субсидии столичным банкам на сумму до 800—1000 миллионов рублей^[18]

— — —

Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного, или производительного, отделение ратье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров. Преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение ратье и финансовой олигархии, означает выделение немногих государств, обладающих финансовой «мощью», из всех остальных. В каких размерах идёт этот процесс, об этом можно судить по данным статистики эмиссий, т. е. выпуска всякого рода ценных бумаг.

В «Бюллетене международного статистического института» А. Неймарк^[19] опубликовывал самые обстоятельные, полные и сравнимые данные об эмиссиях во всём мире, данные, которые неоднократно приводились потом по частям в экономической литературе. Вот итоги за 4 десятилетия:

Сумма эмиссий в миллиардах франков за 10-летие		
1871 — 1880	76,1
1881 — 1890	64,5
1891 — 1900	100,4
1901 — 1910	197,8

В 1870 годах общая сумма эмиссий во всём мире повышена в особенности займами в связи с франко-прусской войной и последовавшей эпохой грюндерства в Германии. В общем и целом, увеличение идет в течение трёх последних десятилетий XIX века сравнительно не очень быстро, и только первое десятилетие XX века даёт громадное увеличение, почти удвоение за 10 лет. Начало XX века, следовательно, является эпохой перелома не только в отношении роста монополий (картелей, синдикатов, трестов), о чём мы уже говорили, но и в отношении роста финансового капитала.

Общую сумму ценных бумаг в мире в 1910 г. Неймарк определяет приблизительно в 815 миллиардов франков. Вычитывая, приблизительно, повторения, он уменьшает эту сумму до 575—600 миллиардов. Вот распределение по странам (берём 600 млрд.):

Сумма ценных бумаг в 1910 г. (миллиарды франков)

Англия.....	142	} 479	Голландия.....	12,5
Соед. Штаты.....	132		Бельгия.....	7,5
Франция.....	110		Испания.....	7,5
Германия.....	95		Швейцария.....	6,25
Россия.....	31		Дания.....	3,75
Австро-Венгрия.....	24		Швеция, Норвегия, Румыния.....	2,5
Италия.....	14		<hr/>	
Япония.....	12		Всего.....	600

По этим данным сразу видно, как резко выделяются четыре наиболее богатые капиталистические страны, владеющие приблизительно от 100 до 150 миллиардов франков ценных бумаг. Из этих четырёх стран две — самые старые и, как увидим, наиболее богатые колониями капиталистические страны: Англия и Франция; другие две — передовые капиталистические страны по скорости развития и по степени распространения капиталистических монополий в производстве — Соединенные Штаты и Германия, Вместе эти 4 страны имеют 479 миллиардов франков, т. е. почти 80 % всемирного финансового капитала. Почти весь остальной мир, так или иначе, играет роль должника и данника этих стран — международных банкиров, этих четырёх «столпов» всемирного финансового капитала.

Особенно следует остановиться на той роли, которую играет в создании международной сети зависимостей и связей финансового капитала вывоз капитала.

1. Р. Гильфердинг. «Финансовый капитал». М., 1912, стр. 338—339.
2. R. Liefmann, назв. соч., стр. 476.
3. Hans Gideon Heymann. «Die gemischten Werke im deutschen Großeisengewerbe». St., 1904, стр. 268—269.
4. Liefmann, «Beteiligungsges. etc.», стр. 258 по 1 изд.
5. Schulze-Gævernitz в «Grdr. d. S.-Öek.», V, 2, стр. 110.
6. L. Eschwege. «Tochtergesellschaften», «Die Bank», 1914, 1, стр. 545 (Л. Эшwege. «Дочерние общества», «Банк». Ред.).
7. Kurt Heinig. «Der Weg des Elektrotrusts», «Neue Zeit», 1912, 30. Jahrg., 2, стр. 484 (Курт Гейниг. «Путь электрического треста», «Новое Время», 1912, 30 год изд. Ред.).
8. Lysis. «Contre l'oligarchie financière en France». 5 éd., P., 1908, pp. 11, 12, 26, 39, 40, 48 (Лизис. «Против финансовой олигархии во Франции». 5 изд., Париж, 1908, стр. 11, 12, 26, 39, 40, 48. Ред.).
9. «Die Bank», 1913, № 7, S. 630.
10. Stillich, назв. соч., стр. 143 и W. Sombart. «Die deutsche Volkswirtschaft im 19. Jahrhundert», 2. Aufl., 1909, стр. 526, Anlage 8 (В. Зомбарт. «Немецкое народное хозяйство в XIX веке». 2 изд., 1909, стр. 526, Приложение 8. Ред.).
11. «Финансовый капитал», стр 172.
12. Stillich, назв. соч., стр. 138 и Liefmann, стр. 51.
13. «Die Bank», 1913, стр. 952, L. Eschwege. «Der Sumpf» («Болото». Ред.); там же, 1912, 1, стр. 223, слл.

14. «Verkehrstrust», «Die Bank», 1914, 1, стр. 89 («Транспортный трест», «Банк». *Ред.*).
15. «Der Zug zur Bank», «Die Bank», 1909, 1, стр. 79 («Устремление в банк», «Банк». *Ред.*).
16. «Der Zug zur Bank», «Die Bank», 1909, 1, стр. 301.
17. Там же, 1911, 2, стр. 825; 1913, 2, стр. 962.
18. E. Agahd, стр. 202.
19. Bulletin de l'institut international de statistique, t. XIX, livr. II. La Haye, 1912 (Бюллетень международного статистического института, т. XIX, книга II. Гаага. *Ред.*). — Данные о государствах мелких, второй столбец, взяты приблизительно по нормам 1902 года, увеличены на 20 %.

IV. ВЫВОЗ КАПИТАЛА

Для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз *товаров*. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз *капитала*.

Капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития, когда и рабочая сила становится товаром. Рост обмена как внутри страны, так и в особенности международного есть характерная отличительная черта капитализма. Неравномерность и скачкообразность в развитии отдельных предприятий, отдельных отраслей промышленности, отдельных стран неизбежны при капитализме. Сначала Англия стала, раньше других, капиталистической страной и, к половине XIX века, введя свободную торговлю, претендовала на роль «мастерской всего мира», поставщицы фабрикатов во все страны, которые должны были снабжать её, в обмен, сырыми материалами. Но эта монополия Англии уже в последней четверти XIX века была подорвана, ибо ряд других стран, защитившись «охранительными» пошлинами, развились в самостоятельные капиталистические государства. На пороге XX века мы видим образование иного рода монополий: во-первых, монополистических союзов капиталистов во всех странах развитого капитализма; во-вторых, монополистического положения немногих богатейших стран, в которых накопление капитала достигло гигантских размеров. Возник громадный «избыток капитала» в передовых странах.

Разумеется, если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, которое повсюду остаётся, несмотря на головокружительный технический прогресс, полуголодным и нищенским, — тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи. И такой «довод» сплошь да рядом выдвигается мелкобуржуазными критиками капитализма. Но тогда капитализм не был бы капитализмом, ибо и неравномерность развития и полуголодный уровень жизни масс есть коренные, неизбежные условия и предпосылки этого способа производства. Пока капитализм остаётся капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путём вывоза капитала за границу, в отсталые страны. В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешёвы. Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и т. д. Необходимость вывоза капитала создается тем, что в немногих странах капитализм «перезрел», и капиталу недостает (при условии неразвитости земледелия и нищеты масс) поприщ «прибыльного» помещения. Вот приблизительные данные о размерах капитала, вложенного за границей тремя главными странами^[1]:

Годы	Капитал, помещённый за границей (в миллиардах франков)		
	Англией	Францией	Германией
1862.....	3,6	—	—
1872.....	15	10 (1869)	—
1882.....	22	15 (1880)	?
1893.....	42	20 (1890)	?
1902.....	62	27—37	12,5
1914.....	75—100	60	44

Мы видим отсюда, что гигантского развития вывоз капитала достиг только в начале XX века. Перед войной вложенный за границей капитал трёх главных стран достигал 175—200 миллиардов франков. Доход с этой суммы, по скромной норме в 5 %, должен достигать 8—10 миллиардов франков в год. Солидная основа империалистского угнетения и эксплуатации большинства наций и стран мира, капиталистического паразитизма горстки богатейших государств!

Как распределяется этот помещённый за границей капитал между разными странами, где он помещён, на этот вопрос можно дать лишь приблизительный ответ, который, однако, в состоянии осветить некоторые общие соотношения и связи современного империализма:

	Части света, между которыми распределены (приблизительно) заграничные капиталы (около 1910 г.)			Всего
	Англии	Франции (миллиарды марок)	Германии	
Европа	4	23	18	45
Америка	37	4	10	51
Азия, Африка и Австралия...	29	8	7	44
Итого	70	35	35	140

В Англии на первое место выдвигаются её колониальные владения, которые очень велики и в Америке (например, Канада), не говоря уже об Азии и пр. Гигантский вывоз капитала теснее всего связан здесь с гигантскими колониями, о значении которых для империализма мы ещё будем говорить дальше. Иное дело во Франции. Здесь заграничный капитал помещён главным образом в Европе и прежде всего в России (не менее 10 миллиардов франков), причем преимущественно это — *ссудный* капитал, государственные займы, а не капитал, вкладываемый в промышленные предприятия. В отличие от английского, колониального, империализма, французский можно назвать ростовщическим империализмом. В Германии — третья разновидность: колонии её невелики, и распределение помещаемого ею за границей капитала наиболее равномерное между Европой и Америкой.

Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если поэтому, до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих, то это может происходить лишь ценою расширения и углубления дальнейшего развития капитализма во всём мире.

Для стран, вывозящих капитал, почти всегда получается возможность приобрести известные «выгоды», характер которых проливает свет на своеобразие эпохи финансового капитала и монополий. Вот, например, что писал в октябре 1913 г. берлинский журнал «Банк»:

«На международном рынке капиталов разыгрывается с недавнего времени комедия, достойная кисти Аристофана. Целый ряд чужестранных государств, от Испании до Балкан, от России до Аргентины, Бразилии и Китая, выступают открыто или прикрито перед крупными денежными рынками с требованиями, иногда в высшей степени настоятельными, получить заём. Денежные рынки находятся теперь не в очень блестящем положении, и политические перспективы не радужные. Но ни один из денежных рынков не решается отказать в займе, из боязни, что сосед предупредит его, согласится на заём, а вместе с тем обеспечит себе известные услуги за услуги. При такого рода международных сделках почти всегда кое-что перепадает в пользу кредитора: уступка в торговом договоре, угольная станция, постройка гавани, жирная концессия, заказ на пушки»^[2].

Финансовый капитал создал эпоху монополий. А монополии всюду несут с собой монополистические начала: использование «связей» для выгодной сделки становится на место конкуренции на открытом рынке. Самая обычная вещь: условием займа ставится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны, особенно на предметы вооружения, на суда и т. д. Франция в течение двух последних десятилетий (1890—1910) очень часто прибегала к этому средству. Вывоз капитала за границу становится средством поощрять вывоз товаров за границу. Сделки между особенно крупными предприятиями бывают при этом таковы, что они стоят — как выразился «мягко» Шильдер^[3] — «на границе подкупа». Крупн в Германии, Шнейдер во Франции, Армстронг в Англии — образцы таких фирм, тесно связанных с гигантскими банками и с правительством, которые не легко «обойти» при заключении займа.

Франция, давая займы России, «прижала» её в торговом договоре 16 сентября 1905 г., выговорив известные уступки до 1917 года; то же по торговому договору с Японией от 19 августа 1911 г. Таможенная война Австрии с Сербией, продолжавшаяся с семимесячным перерывом с 1906 по 1911 год, была вызвана отчасти конкуренцией Австрии и Франции в деле поставок военных припасов Сербии. Поль Дешанель заявил в палате в январе 1912 г., что французские фирмы за 1908—1911 гг. доставили Сербии военных материалов на 45 миллионов франков.

В отчёте австро-венгерского консула в Сан-Пауло (Бразилия) говорится: «постройка бразильских железных дорог совершается большей частью на французские, бельгийские, британские и немецкие капиталы; эти страны при финансовых

операциях, связанных с постройкой дорог, выговаривают себе поставку железнодорожных строительных материалов».

Таким образом финансовый капитал в буквальном, можно сказать, смысле слова раскидывает свои сети на все страны мира. Большую роль играют при этом банки, учреждаемые в колониях, и их отделения. Немецкие империалисты с завистью смотрят на «старые» колониальные страны, обеспечившие себя в этом отношении особенно «успешно»: Англия имела в 1904 г. 50 колониальных банков с 2279 отделениями (1910 : 72 с 5449 отделениями); Франция — 20 с 136 отделениями; Голландия — 16 с 68, а Германия «всего только» 13 с 70 отделениями^[4]. Американские капиталисты, в свою очередь, завидуют английским и германским: «в южной Америке, — жаловались они в 1915 г., — 5 германских банков имеют 40 отделений и 5 английских — 70 отделений... Англия и Германия за последние 25 лет поместили в Аргентине, Бразилии, Уругвае приблизительно 4 биллиона (миллиарда) долларов, и в результате они пользуются 46 % всей торговли этих 3-х стран»^[5].

Страны, вывозящие капитал, поделили мир между собою, в переносном смысле слова. Но финансовый капитал привёл и к *прямому* разделу мира.

-
1. Hobson, «Imperialism». L., 1902, p. 58; Riesser, назв. соч., стр. 395 и 404; P. Arndt в «Weltwirtschaftliches Archiv», Bd. 7, 1916, S. 35 (П. Арндт в «Архиве мирового хозяйства», т. 7, 1916, стр. 35. *Ред.*); Neymarck в Bulletin; Гильфердинг. «Финансовый капитал», стр. 492; Lloyd George, речь в палате общин 4 мая 1915 г., «Daily Telegraph» 5 мая 1915; V. Harms. «Probleme der Weltwirtschaft». Jena, 1912, S. 235 и др. (Б. Хармс. «Проблемы всемирного хозяйства». Йена, 1912, стр. 235 и др. *Ред.*); Dr. Siegmund Schilder. «Entwicklungstendenzen der Weltwirtschaft». Berlin, 1912. Bd, 1, S. 150 (Д-р Зигмунд Шильдер. «Тенденции развития всемирного хозяйства». Берлин, 1912, том 1, стр. 150. *Ред.*); George Paish. «Great Britain's Capital Investments etc.» в «Journal of the Royal Statistical Society», vol. LXXIV. 1910—11, стр. 167, слл. (Джордж Пэйш. «Помещение великобританского капитала и т. д.» в «Журнале королевского статистического общества», т. LXXIV. *Ред.*); Georges Diouritch. «L'Expansion des banques allemandes a l'étranger, ses rapports avec le développement économique de l'Allemagne». P., 1909, p. 84 (Жорж Диурич. «Экспансия немецких банков за границей, ее связь с экономическим развитием Германии». Париж, 1909, стр. 84. *Ред.*).
 2. «Die Bank», 1913, 2, 1024—1025.
 3. Schilder, назв. соч., стр. 346, 350, 371.
 4. Riesser, назв. соч., стр. 375, 4 изд. и Diouritch, стр. 283.
 5. The Annals of the American Academy of Political and Social Science, vol, LIX, May 1915, p. 301 (Летописи Американской академии политических и социальных знаний, том LIX, май 1915, стр. 301. *Ред.*). Здесь же, стр. 331, читаем, что известный статистик Paish (Пэйш) в последнем выпуске финансового журнала «Statist» определял сумму капитала, вывезенного Англией, Германией, Францией, Бельгией и Голландией, в 40 миллиардов долларов, т. е. 200 миллиардов франков.

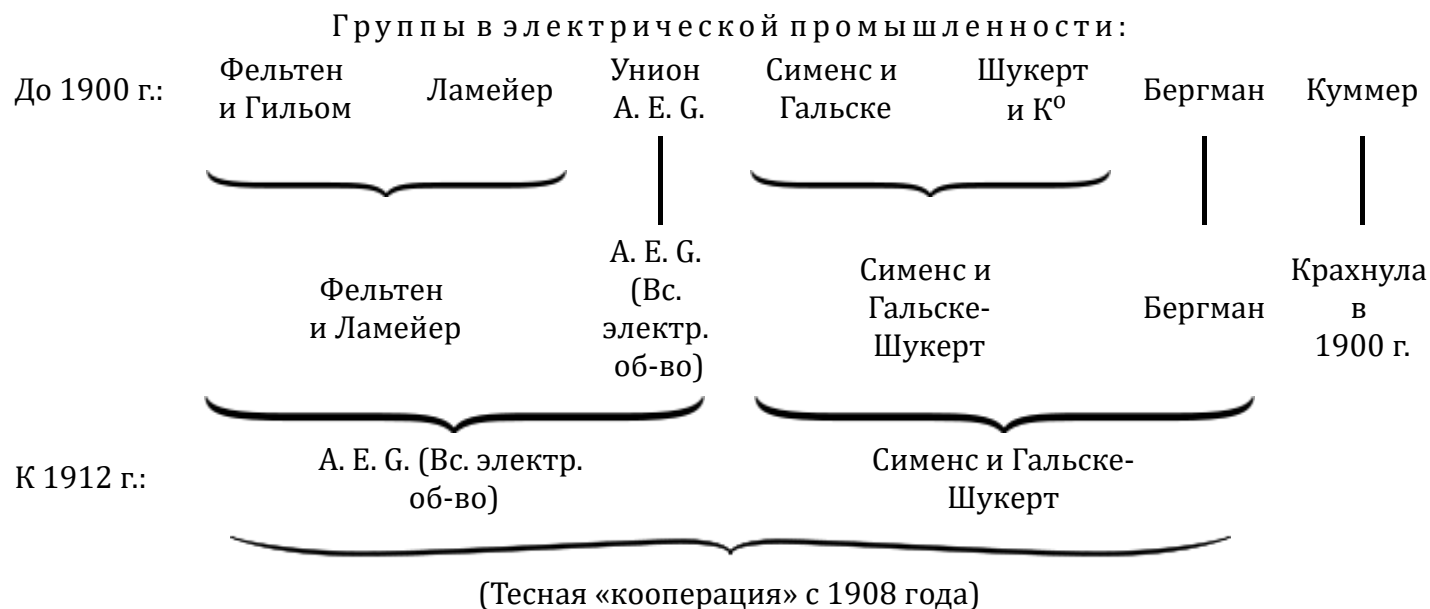
V. РАЗДЕЛ МИРА МЕЖДУ СОЮЗАМИ КАПИТАЛИСТОВ

Монополистические союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты, делят между собою прежде всего внутренний рынок, захватывая производство данной страны в своё, более или менее полное, обладание. Но внутренний рынок, при капитализме, неизбежно связан с внешним. Капитализм давно создал всемирный рынок. И по мере того, как рос вывоз капитала и расширялись всячески заграничные и колониальные связи и «сферы влияния» крупнейших монополистических союзов, дело «естественно» подходило к всемирному соглашению между ними, к образованию международных картелей.

Это — новая ступень всемирной концентрации капитала и производства, несравненно более высокая, чем предыдущие. Посмотрим, как вырастает эта сверхмонополия.

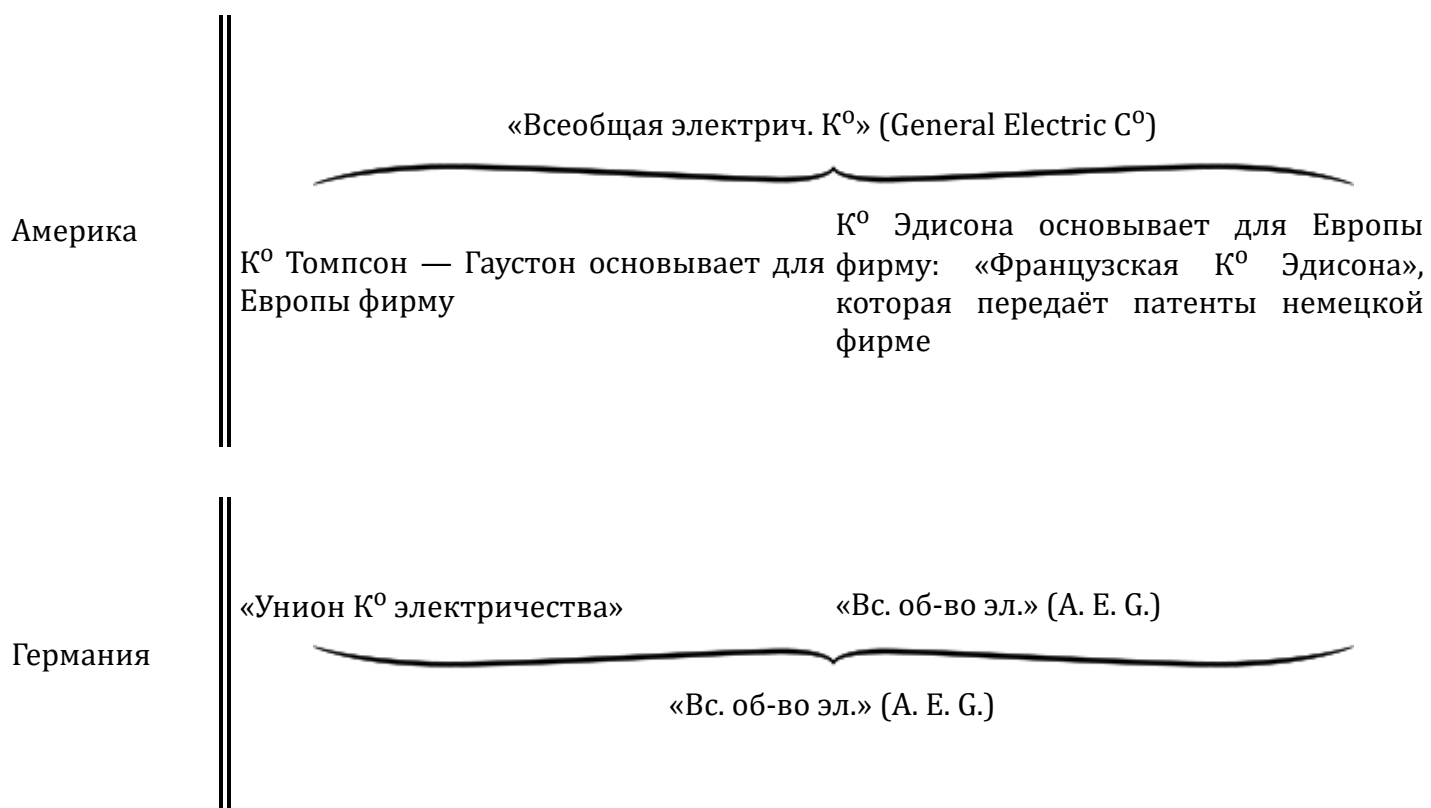
Электрическая промышленность — самая типичная для новейших успехов техники, для капитализма *конца* XIX и начала XX века. И всего более развилась она в двух наиболее передовых из новых капиталистических стран, Соединённых Штатах и Германии. В Германии на рост концентрации в этой отрасли особо сильное влияние оказал кризис 1900 года. Банки, к тому времени достаточно уже сросшиеся с промышленностью, в высшей степени ускорили и углубили во время этого кризиса гибель сравнительно мелких предприятий, их поглощение крупными. «Банки, — пишет Ейдэльс, — отнимали руку помощи как раз у тех предприятий, которые всего более нуждались в ней, вызывая этим сначала бешеный подъём, а потом безнадёжный крах тех обществ, которые были недостаточно тесно связаны с ними»^[1].

В результате концентрация после 1900 года пошла вперед гигантскими шагами. До 1900 года было восемь или семь «групп» в электрической промышленности, причём каждая состояла из нескольких обществ (всего их было 28) и за каждой стояло от 2 до 11 банков. К 1908—1912 гг. все эти группы слились в две или одну. Вот как шёл этот процесс:

Знаменитое А. Е. Г. (Всеобщее общество электричества), выросшее таким образом, господствует над 175—200 обществ (по системе «участий») и распоряжается общей суммой капитала приблизительно в *1½ миллиарда* марок. Одних только прямых заграничных представительств оно имеет 34, из них 12 акционерных обществ, — более чем в 10 государствах. Ещё в 1904 г. считали, что капиталы, вложенные немецкой электрической промышленностью за границей, составляли 233 миллиона марок, из них 62 млн. в России. Нечего и говорить, что «Всеобщее общество электричества» представляет из себя гигантское «комбинированное» предприятие с производством — число одних только фабрикационных обществ у него равняется 16 — самых различных продуктов, от кабелей и изоляторов до автомобилей и летательных аппаратов.

Но концентрация в Европе была также составной частью процесса концентрации в Америке. Вот как шло дело:

Таким образом сложились *две* электрические «державы»: «других, *вполне* независимых от них, электрических обществ на земле нет», — пишет Гейниг в своей статье: «Путь электрического треста». О размере оборотов и величине предприятий обоих «трестов» некоторое, далеко не полное, представление дают следующие цифры:

		оборот товаров (млн. марок)	число служащих	чистая прибыль (млн. марок)
Америка: «Вс. эл. К ⁰ » (G. E. C.).....	1907:	252	28 000	35,4
	1910:	298	32 000	45,6
Германия: «Вс. об-во эл.» (A. E. G.).....	1907:	216	30 700	14,5
	1911:	362	60 800	21,7

И вот в 1907 году между американским и германским трестом заключён договор о дележе мира. Конкуренция устраняется. «Вс. эл. К⁰» (G. E. C.) «получает» Соединённые Штаты и Канаду; «Вс. об-во эл.» (A. E. G.) «достаётся» Германия, Австрия, Россия, Голландия, Дания, Швейцария, Турция, Балканы. Особые — разумеется, тайные — договоры заключены относительно «обществ-дочерей», проникающих в новые отрасли промышленности и в «новые», формально ещё не поделённые, страны. Установлен взаимный обмен изобретениями и опытами^[2].

Понятно само собою, насколько затруднена конкуренция против этого, фактически единого, всемирного треста, который распоряжается капиталом в несколько миллиардов и имеет свои «отделения», представительства, агентуры, связи и т. д. во всех концах мира. Но раздел мира между двумя сильными трестами, конечно, не исключает *передела*, если отношения силы — вследствие неравномерности развития, войн, крахов и т. п. — изменяются.

Поучительный пример попытки такого передела, борьбы за передел, представляет керосиновая промышленность.

«Керосиновый рынок мира, — писал Ейдэльс в 1905 году, — и теперь ещё поделён между двумя крупными финансовыми группами: американским „Керосиновым трестом“ (Standard Oil С-у) Рокфеллера и хозяевами русской бакинской нефти, Ротшильдом и Нобелем. Обе группы стоят в тесной связи между собою, но их монопольному положению угрожают, в течение вот уже нескольких лет, пятеро врагов»^[3]: 1) истощение американских источников нефти; 2) конкурентная фирма Манташева в Баку; 3) источники нефти в Австрии и 4) в Румынии; 5) заокеанские источники нефти, особенно в голландских колониях (богатейшие фирмы Самюэля и Шелля, связанные также с английским капиталом). Три последние ряда предприятий связаны с немецкими крупными банками, с крупнейшим «Немецким банком» во главе. Эти банки самостоятельно и планомерно развивали керосиновую промышленность, например, в Румынии, чтобы иметь «свою» точку опоры. В румынской керосиновой промышленности считали в 1907 году иностранных капиталов на 185 млн. франков, в том числе немецких 74 млн.^[4]

Началась борьба, которую в экономической литературе так и называют борьбой за «делёж мира». С одной стороны, «Керосиновый трест» Рокфеллера, желая захватить всё, основал «общество-дочь» в самой Голландии, скупая нефтяные источники в Голландской Индии и желая таким образом нанести удар своему главному врагу: голландско-английскому тресту «Шелля». С другой стороны, «Немецкий банк» и другие берлинские банки стремились «отстоять» «себе» Румынию и объединить её с Россией против Рокфеллера. Этот последний обладал капиталом неизмеримо более крупным и превосходной организацией транспорта и доставки керосина потребителям. Борьба должна была кончиться и кончилась в 1907 году полным поражением «Немецкого банка», которому оставалось одно из двух: либо ликвидировать с миллионными потерями свои «керосиновые интересы», либо подчиниться. Выбрали последнее и заключили очень невыгодный для «Немецкого банка» договор с «Керосиновым трестом». По этому договору, «Немецкий банк» обязался «не предпринимать ничего к невыгоде американских интересов», причем было, однако, предусмотрено, что договор теряет силу, если в Германии пройдёт закон о государственной монополии на керосин.

Тогда начинается «керосиновая комедия». Один из финансовых королей Германии, фон Гвиннер, директор «Немецкого банка», через своего частного секретаря, Штауса, пускает в ход агитацию за керосиновую монополию. Весь гигантский аппарат крупнейшего берлинского банка, все обширные «связи» приводятся в движение, пресса захлёбывается от «патриотических» криков против «ига» американского треста, и рейхстаг почти единогласно принимает 15 марта 1911 года резолюцию, приглашающую правительство разработать проект о керосиновой монополии. Правительство ухватилось за эту «популярную» идею, и игра «Немецкого банка», который хотел надуть своего американского контрагента и поправить свои дела посредством государственной монополии, казалась выигранной. Немецкие керосиновые короли предвкушали уже гигантские прибыли, не уступающие прибылям русских сахарозаводчиков... Но, во-первых, немецкие крупные банки перессорились между собой из-за дележа добычи, и «Учётное общество» разоблачило корыстные интересы «Немецкого банка»; во-вторых, правительство испугалось борьбы с Рокфеллером, ибо было весьма сомнительно, достанет ли Германия керосина помимо него (производительность Румынии невелика); в-третьих, подоспела миллиардная ассигновка 1913 года на военную подготовку Германии. Проект монополии отложили. «Керосиновый трест» Рокфеллера вышел из борьбы пока победителем.

Берлинский журнал «Банк» писал по этому поводу, что бороться с «Керосиновым трестом» Германия могла бы лишь вводя монополию электрического тока и превращая водяную силу в дешёвое электричество. Но, — добавлял он, — «электрическая монополия придёт тогда, когда она понадобится производителям; именно тогда, когда будет стоять перед дверьми следующий крупный крах в электрической промышленности и когда те гигантские, дорогие электрические станции, которые строятся теперь повсюду частными „концернами“ электрической промышленности и для которых эти „концерны“ теперь уже получают известные отдельные монополии от городов, государств и пр., будут не в состоянии работать с прибылью. Тогда придётся пустить в ход водяные силы; но их нельзя будет

превращать на государственный счёт в дешёвое электричество, их придётся опять-таки передать „частной монополии, контролируемой государством“, потому что частная промышленность уже заключила ряд сделок и выговорила себе крупные вознаграждения... Так было с монополией кали, так есть с керосиновой монополией, так будет с монополией электричества. Пора бы нашим государственным социалистам, дающим себя ослепить красивым принципом, понять наконец, что в Германии монополии никогда не преследовали такой цели и не вели к такому результату, чтобы приносить выгоды потребителям или хотя бы предоставлять государству часть предпринимательской прибыли, а служили только к тому, чтобы оздоравливать на государственный счёт частную промышленность, дошедшую почти до банкротства»^[5].

Такие ценные признания вынуждены делать буржуазные экономисты Германии. Мы видим здесь наглядно, как частные и государственные монополии переплетаются воедино в эпоху финансового капитала, как и те и другие на деле являются лишь отдельными звеньями империалистской борьбы между крупнейшими монополистами за дележ мира.

В торговом судоходстве гигантский рост концентрации привёл тоже к разделу мира. В Германии выделились два крупнейших общества: «Гамбург — Америка» и «Северогерманский Ллойд», оба с капиталом по 200 млн. марок (акций и облигаций), с пароходами, стоящими 185—189 млн. марок. С другой стороны, в Америке 1 января 1903 г. образовался так называемый трест Моргана, «Международная компания морской торговли», объединяющая американские и английские судоходные компании, числом в 9, и располагающая капиталом в 120 млн. долларов (480 млн. марок). Уже в 1903 году между германскими колоссами и этим американско-английским трестом заключён был договор о разделе мира в связи с разделом прибыли. Немецкие общества отказались от конкуренции в деле перевозок между Англией и Америкой. Было точно установлено, кому какие гавани «предоставляются», был создан общий контрольный комитет и т. д. Договор заключён на 20 лет, с предусмотрительной оговоркой, что в случае войны он теряет силу^[6].

Чрезвычайно поучительна также история образования международного рельсового картеля. В первый раз английские, бельгийские и немецкие рельсовые заводы сделали попытку основать такой картель ещё в 1884 г., во время сильнейшего упадка промышленных дел. Согласились не конкурировать на внутреннем рынке вошедших в соглашение стран, а внешние поделить по норме: 66 % Англии, 27 % Германии и 7 % Бельгии. Индия была предоставлена всецело Англии. Против одной английской фирмы, оставшейся вне соглашения, была поведена общая война, расходы на которую покрывали известным процентом с общих продаж. Но в 1886 г., когда из союза вышли две английские фирмы, он распался. Характерно, что соглашения не удавалось достигнуть во время последовавших периодов промышленного подъёма.

В начале 1904 года основан стальной синдикат в Германии. В ноябре 1904 г. возобновлён международный рельсовый картель по нормам: Англии — 53,5 %, Германии — 28,83 %, Бельгии — 17,67 %. Затем присоединилась Франция с нормами 4,8 %, 5,8 % и 6,4 % в первый, второй и третий год, сверх 100 %, т. е. при сумме 104,8 % и т. д. В 1905 г. присоединился «Стальной трест» Соединенных Штатов («Стальная

корпорация»), затем Австрия и Испания. «В данный момент, — писал Фогельштейн в 1910 г., — делёж земли закончен, и крупные потребители, в первую голову государственные железные дороги, — раз мир уже поделён и с их интересами не считались — могут жить, как поэт, на небесах Юпитера»^[7].

Упомянем ещё международный цинковый синдикат, основанный в 1909 году и точно распределивший размеры производства между пятью группами заводов: немецких, бельгийских, французских, испанских, английских; — затем пороховой международный трест, этот, по словам Лифмана, «вполне современный тесный союз между всеми немецкими фабриками взрывчатых веществ, которые затем вместе с аналогично организованными французскими и американскими динамитными фабриками поделили между собою, так сказать, весь мир»^[8].

Всего Лифман считал в 1897 году около 40 международных картелей с участием Германии, а к 1910 году уже около 100.

Некоторые буржуазные писатели (к которым присоединился теперь и К. Каутский, совершенно изменивший своей марксистской позиции, например, 1909 года) выражали то мнение, что международные картели, будучи одним из наиболее рельефных выражений интернационализации капитала, дают возможность надеяться на мир между народами при капитализме. Это мнение теоретически совершенно вздорно, а практически есть софизм и способ нечестной защиты худшего оппортунизма. Международные картели показывают, до какой степени выросли теперь капиталистические монополии и *из-за* чего идёт борьба между союзами капиталистов. Это последнее обстоятельство есть самое важное; только оно выясняет нам историко-экономический смысл происходящего, ибо *форма* борьбы может меняться и меняется постоянно в зависимости от различных, сравнительно частных и временных, причин, но *сущность* борьбы, её классовое *содержание* прямо-таки *не может* измениться, пока существуют классы. Понятно, что в интересах, например, немецкой буржуазии, к которой по сути дела перешёл в своих теоретических рассуждениях Каутский (об этом речь пойдет ещё ниже), затушёвывать *содержание* современной экономической борьбы (раздел мира) и подчёркивать то одну, то другую *форму* этой борьбы. Ту же ошибку делает Каутский. И речь идёт, конечно, не о немецкой, а о всемирной буржуазии. Капиталисты делят мир не по своей особой злобности, а потому, что достигнутая ступень концентрации заставляет становиться на этот путь для получения прибыли; при этом делят они его «по капиталу», «по силе» — иного способа дележа не может быть в системе товарного производства и капитализма. Сила же меняется в зависимости от экономического и политического развития; для понимания происходящего надо знать, какие вопросы решаются изменениями силы, а есть ли это — изменения «чисто» экономические или внеэкономические (например, военные), это вопрос второстепенный, не могущий ничего изменить в основных взглядах на новейшую эпоху капитализма. Подменять вопрос о *содержании* борьбы и сделок между союзами капиталистов вопросом о *форме* борьбы и сделок (сегодня мирной, завтра немирной, послезавтра опять немирной) значит опускаться до роли софиста.

Эпоха новейшего капитализма показывает нам, что между союзами капиталистов складываются известные отношения *на почве* экономического раздела мира, а рядом с этим, в связи с этим между политическими союзами, государствами, складываются известные отношения на почве территориального раздела мира, борьбы за колонии, «борьбы за хозяйственную территорию».

-
1. Ейдэльс, назв. соч., 232.
 2. Riesser, назв. соч.; Diouritch, назв. соч., стр. 239; Kurt Heinig, назв. статья.
 3. Ейдэльс, стр. 192—193.
 4. Diouritch, стр. 245—246.
 5. «Die Bank», 1912, 2, 629, 1036; 1913, 1, 388.
 6. Риссер, назв. соч., стр. 125.
 7. Vogelstein. «Organisationsformen», стр. 100.
 8. Liefmann. «Kartelle und Trusts», 2. A., стр. 161.

VI. РАЗДЕЛ МИРА МЕЖДУ ВЕЛИКИМИ ДЕРЖАВАМИ

Географ А. Супан в своей книге о «территориальном развитии европейских колоний»^[1] подводит следующий краткий итог этому развитию в конце XIX века:

Процент земельной площади, принадлежащей европейским колониальным державам (С. Штаты в том числе):

	1876	1900	Увеличение на
В Африке.....	10,8 %	90,4 %	+79,6 %
» Полинезии.....	56,8 %	98,9 %	+42,1 %
» Азии.....	51,5 %	56,6 %	+ 5,1 %
» Австралии.....	100,0 %	100,0 %	—
» Америке.....	27,5 %	27,2 %	- 0,3 %

«Характеристичной чертой этого периода, — заключает он, — является, следовательно, раздел Африки и Полинезии». Так как в Азии и в Америке незанятых земель, т. е. не принадлежащих никакому государству, нет, то вывод Супана приходится расширить и сказать, что характеристичной чертой рассматриваемого периода является окончательный раздел земли, окончательный не в том смысле, чтобы не возможен был *передел*, — напротив, переделы возможны и неизбежны, — а в том смысле, что колониальная политика капиталистических стран *закончила* захват незанятых земель на нашей планете. Мир впервые оказался уже поделённым, так что дальше предстоит *лишь* переделы, т. е. переход от одного «владельца» к другому, а не от бесхозяйности к «хозяину».

Мы переживаем, следовательно, своеобразную эпоху всемирной колониальной политики, которая теснейшим образом связана с «новейшей ступенью в развитии капитализма», с финансовым капиталом. Необходимо поэтому подробнее остановиться прежде всего на фактических данных, чтобы возможно точнее выяснить как отличие этой эпохи от предыдущих, так и положение дела в настоящее время. В первую голову возникают здесь два фактических вопроса: наблюдается ли усиление колониальной политики, обострение борьбы за колонии именно в эпоху финансового капитала и как именно поделён мир в этом отношении в настоящее время.

Американский писатель Моррис в своей книге об истории колонизации^[2] делает попытку свести данные о размерах колониальных владений Англии, Франции и Германии за разные периоды XIX века. Вот, в сокращении, полученные им итоги:

Годы	Размеры колониальных владений					
	Англии		Франции		Германии	
	площадь (млн. кв. миль)	население (млн.)	площадь (млн. кв. миль)	население (млн.)	площадь (млн. кв. миль)	население (млн.)
1815—1830	?	126,4	0,02	0,5	—	—
1860	2,5	145,1	0,2	3,4	—	—
1880	7,7	267,9	0,7	7,5	—	—
1899	9,3	309,9	3,7	56,4	1,0	14,7

Для Англии период громадного усиления колониальных захватов приходится на 1860—1880 годы и очень значительного на последнее двадцатилетие XIX века. Для Франции и Германии — именно на это двадцатилетие. Мы видели выше, что период предельного развития капитализма домонополистического, капитализма с преобладанием свободной конкуренции, приходится на 1860 и 1870 годы. Мы видим теперь, что *именно после этого периода* начинается громадный «подъём» колониальных захватов, обостряется в чрезвычайной степени борьба за территориальный раздел мира. Несомненно, следовательно, тот факт, что переход капитализма к ступени монополистического капитализма, к финансовому капиталу *связан* с обострением борьбы за раздел мира.

Гобсон в своём сочинении об империализме выделяет эпоху 1884—1900 гг., как эпоху усиленной «экспансии» (расширения территории) главных европейских государств. По его расчёту, Англия приобрела за это время 3,7 миллиона кв. миль с населением в 57 млн; Франция — 3,6 млн кв. миль с населением в 36½ млн; Германия — 1,0 млн. кв. миль с 14,7 млн; Бельгия — 900 тыс. кв. миль с 30 млн; Португалия — 800 тыс. кв. миль с 9 млн. Погоня за колониями в конце XIX века, особенно с 1880 годов, со стороны всех капиталистических государств представляет из себя общеизвестный факт истории дипломатии и внешней политики.

В эпоху наибольшего процветания свободной конкуренции в Англии, в 1840—1860 годах, руководящие буржуазные политики её были *против* колониальной политики, считали освобождение колоний, полное отделение их от Англии неизбежным и полезным делом, М. Бер указывает в своей, появившейся в 1898 г., статье о «новейшем английском империализме»^[3], как в 1852 году такой склонный, вообще говоря, к империализму государственный деятель Англии, как Дизраэли, говорил: «Колонии, это — мельничные жернова на нашей шее». А в конце XIX века героями дня в Англии были Сесиль Родс и Джозеф Чемберлен, открыто проповедовавшие империализм и применявшие империалистскую политику с наибольшим цинизмом!

Небезынтересно, что связь чисто, так сказать, экономических и социально-политических корней новейшего империализма была уже тогда ясна для этих руководящих политиков английской буржуазии. Чемберлен проповедовал империализм как «истинную, мудрую и экономную политику», указывая особенно на ту конкуренцию, которую встречает теперь Англия на мировом рынке со стороны

Германии, Америки, Бельгии. Спасение в монополии — говорили капиталисты, основывая картели, синдикаты, тресты. Спасение в монополии — вторили политические вожди буржуазии, торопясь захватить ещё неподелённые части мира. А Сесиль Родс, как рассказывал его интимный друг, журналист Стэд, говорил ему по поводу своих империалистских идей в 1895 году: «Я был вчера в лондонском Ист-Энде (рабочий квартал) и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба, хлеба!, я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединённого Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»^[4].

Так говорил Сесиль Родс в 1895 г., миллионер, финансовый король, главный виновник англо-бурской войны; а ведь его защита империализма только грубовата, цинична, по сути же не отличается от «теории» гг. Маслова, Зюдекума, Потресова, Давида, основателя русского марксизма и пр. и пр. Сесиль Родс был немножко более честным социал-шовинистом...

Для того, чтобы дать возможно более точную картину территориального раздела мира и изменений в этом отношении за последние десятилетия, воспользуемся теми сводками, которые дает Супан в названном сочинении по вопросу о колониальных владениях всех держав мира. Супан берет 1876 и 1900 годы; мы возьмем 1876 — пункт, выбранный очень удачно, ибо именно к этому времени можно, в общем и целом, считать законченным развитие западноевропейского капитализма в его домонополистической стадии — и 1914, заменяя цифры Супана более новыми по «Географически-статистическим таблицам» Гюбнера. Супан берёт только колонии; мы считаем полезным — для того, чтобы представить полную картину раздела мира, — добавить сведения, вкратце, и о неколониальных странах и о полуколониях, к которым мы относим Персию, Китай и Турцию: первая из этих стран почти целиком стала уже колонией, вторая и третья становятся таковыми. Получаем следующие итоги:

**Колониальные владения великих держав:
(млн. кв. км и млн. жителей)**

	Колонии				Метрополии		Всего	
	1876		1914		1914		1914	
	кв. км.	жит.	кв. км.	жит.	кв. км.	жит.	кв. км.	жит.
Англия.....	22,5	251,9	33,5	393,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия.....	17,0	15,9	17,4	33,2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция.....	0,9	6,0	10,6	55,5	0,5	39,6	11,1	95,1
Германия.....	—	—	2,9	12,3	0,5	64,9	3,4	77,2
С. Штаты.....	—	—	0,3	9,7	9,4	97,0	9,7	106,7
С. Штаты.....	—	—	0,3	19,2	0,4	53,0	0,7	72,2
Итого 6 великих держав.....	40,4	273,8	65,0	523,4	16,5	437,2	81,5	960,6
Колонии остальных держав (Бельгия, Голландия и пр.).....							9,9	45,3
.....								
Полуколонии (Персия, Китай, Турция)							14,5	361,2
.....								
Остальные страны.....							28,0	289,9
.....								
Вся земля.....							133,9	1 657,0
.....								

Мы видим тут наглядно, как «закончен» был на границе XIX и XX веков раздел мира. Колониальные владения расширились после 1876 года в гигантских размерах: более чем в полтора раза, с 40 до 65 миллионов км² у шести крупнейших держав; прирост составляет 25 млн кв. км, в полтора раза больше площади метрополий (16½ млн.). Три державы не имели в 1876 г. никаких колоний, а четвертая, Франция, почти не имела их. К 1914 году эти четыре державы приобрели колонии площадью в 14,1 млн кв. км, т. е. приблизительно раза в полтора больше площади Европы, с населением почти в 100 миллионов. Неравномерность в расширении колониального владения очень велика. Если сравнить, например, Францию, Германию и Японию, которые не очень сильно разнятся по величине площади и по количеству населения, то окажется, что первая из этих стран приобрела почти втрое больше колоний (по площади), чем вторая и третья, вместе взятые. Но по размерам финансового капитала Франция в начале рассматриваемого периода была, может быть, тоже в несколько раз богаче Германии и Японии, взятых вместе. На размер колониальных владений, кроме чисто экономических условий, и на базе их, оказывают влияние условия географические и пр. Как ни сильно шла за последние десятилетия нивелировка мира, выравнивание условий хозяйства и жизни в различных странах под давлением крупной промышленности, обмена и финансового капитала, но все же разница остается немалая, и среди названных шести стран мы наблюдаем, с одной стороны, молодые, необыкновенно быстро прогрессирующие капиталистические страны (Америка, Германия, Япония); с другой — страны старого капиталистического развития, которые прогрессировали в последнее время гораздо медленнее предыдущих (Франция и

Англия); с третьей, страну наиболее отставшую в экономическом отношении (Россию), в которой новейше-капиталистический империализм оплетён, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических.

Рядом с колониальными владениями великих держав мы поставили небольшие колонии маленьких государств, являющиеся, так сказать, ближайшим объектом возможного и вероятного «передела» колоний. Большой частью эти маленькие государства сохраняют свои колонии только благодаря тому, что между крупными есть противоположности интересов, трения и пр., мешающие соглашению о дележе добычи. Что касается до «полуколониальных» государств, то они дают пример тех переходных форм, которые встречаются во всех областях природы и общества. Финансовый капитал — такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью; мы увидим сейчас примеры тому. Но, разумеется, наибольшие «удобства» и наибольшие выгоды даёт финансовому капиталу *такое* подчинение, которое связано с потерей политической независимости подчиняемыми странами и народами. Полуколониальные страны типичны, как «середина» в этом отношении. Понятно, что борьба из-за этих полузависимых стран особенно должна была обостриться в эпоху финансового капитала, когда остальной мир уже был поделен.

Колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма. Рим, основанный на рабстве, вёл колониальную политику и осуществлял империализм. Но «общие» рассуждения об империализме, забывающие или отодвигающие на задний план коренную разницу общественно-экономических формаций, превращаются неизбежно в пустейшие банальности или бахвальство, вроде сравнения «великого Рима с великой Британией»^[5]. Даже капиталистическая колониальная политика прежних стадий капитализма существенно отличается от колониальной политики финансового капитала.

Основной особенностью новейшего капитализма является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки все источники сырых материалов, и мы видели, с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия на то, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить, например, железорудные земли или нефтяные источники и т. п. Владение колонией одно даёт полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником — вплоть до такой случайности, когда противник пожелал бы защититься законом о государственной монополии. Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всём мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний.

«Можно выставить утверждение, — пишет Шильдер, — которое некоторым, пожалуй, покажется парадоксальным, именно: что рост городского и промышленного населения в более или менее близком будущем гораздо скорее может встретить препятствие в недостатке сырья для промышленности, чем в недостатке предметов питания». Так,

например, обостряется недостаток дерева, которое всё более дорожает, — кож, — сырья для текстильной промышленности. «Союзы промышленников пытаются создать равновесие между сельским хозяйством и промышленностью в пределах всего мирового хозяйства; как пример можно назвать существующий с 1904 года международный союз союзов — бумагопрядильных фабрикантов в нескольких важнейших промышленных государствах; затем основанный по образцу его в 1910 году союз европейских союзов льнопрядильщиков»^[6].

Конечно, значение такого рода фактов буржуазные реформисты и среди них особенно теперешние каутскианцы пытаются ослабить указанием на то, что сырьё «можно бы» достать на свободном рынке без «дорогой и опасной» колониальной политики, что предложение сырья «можно бы» гигантски увеличить «простым» улучшением условий сельского хозяйства вообще. Но такие указания превращаются в апологетику империализма, в прикрашивание его, ибо они основываются на забвении главной особенности новейшего капитализма: монополий. Свободный рынок всё более отходит в область прошлого, монополистические синдикаты и тресты с каждым днём урезают его, а «простое» улучшение условий сельского хозяйства сводится к улучшению положения масс, к повышению заработной платы и уменьшению прибыли. Где же, кроме как в фантазии сладеньких реформистов, существуют тресты, способные заботиться о положении масс вместо завоевания колоний?

Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными, если будут найдены новые приемы (а для этого крупный банк может снарядить особую экспедицию инженеров, агрономов и пр.), если будут произведены большие затраты капитала. То же относится к разведкам относительно минеральных богатств, к новым способам обработки и утилизации тех или иных сырых материалов и пр. и т. п. Отсюда — неизбежное стремление финансового капитала к расширению хозяйственной территории и даже территории вообще. Как тресты капитализируют свое имущество по двойной или тройной оценке, учитывая «возможные» в будущем (а не настоящие) прибыли, учитывая дальнейшие результаты монополии, так и финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподделённого мира или за передел кусков, уже разделённых.

Английские капиталисты всячески стараются развить производство хлопка в *своей* колонии, Египте, — в 1904 г. из 2,3 миллиона гектаров культурной земли в Египте уже 0,6 млн. было под хлопком, т. е. свыше четверти — русские в своей колонии, Туркестане, потому что таким путём они легче могут побить своих иностранных конкурентов, легче могут прийти к монополизации источников сырья, к созданию более экономного и прибыльного текстильного треста с «комбинированным» производством, с сосредоточением всех стадий производства и обработки хлопка в одних руках.

Интересы вывоза капитала равным образом толкают к завоеванию колоний, ибо на колониальном рынке легче (а иногда единственно только и возможно) монополистическими путями устранить конкурента, обеспечить себе поставку, закрепить соответствующие «связи» и пр.

Внеэкономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология усиливают стремление к колониальным завоеваниям. «Финансовый капитал хочет не свободы, а господства», справедливо говорит Гильфердинг. А один буржуазный французский писатель, как бы развивая и дополняя приведённые выше мысли Сесилия Родса, пишет, что к экономическим причинам современной колониальной политики следует прибавить социальные: «вследствие растущей сложности жизни и трудности, давящей не только на рабочие массы, но и на средние классы, во всех странах старой цивилизации скопляется „нетерпение, раздражение, ненависть, угрожающие общественному спокойствию; энергии, выбиваемой из определенной классовой колеи, надо найти применение, дать ей дело вне страны, чтобы не произошло взрыва внутри“»^[7].

Раз идет речь о колониальной политике эпохи капиталистического империализма, необходимо отметить, что финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд *переходных* форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости. Одну из форм — полуколонии — мы уже указали раньше. Образцом другой является, например, Аргентина.

«Южная Америка, а особенно Аргентина, — пишет Шульце-Геверниц в своем сочинении о британском империализме, — находится в такой финансовой зависимости от Лондона, что её следует назвать почти что английской торговой колонией»^[8]. Капиталы, помещённые Англией в Аргентине, Шильдер определял, по сообщениям австро-венгерского консула в Буэнос-Айресе за 1909 г., в 8¾ миллиарда франков. Нетрудно себе представить, какие крепкие связи получает в силу этого финансовый капитал — и его верный «друг», дипломатия — Англии с буржуазией Аргентины, с руководящими кругами всей её экономической и политической жизни.

Несколько иную форму финансовой и дипломатической зависимости, при политической независимости, показывает нам пример Португалии. Португалия — самостоятельное, суверенное государство, но фактически в течение более 200 лет, со времени войны за испанское наследство (1701—1714), она находится под протекторатом Англии. Англия защищала её и её колониальные владения ради укрепления своей позиции в борьбе с своими противниками, Испанией, Францией. Англия получала в обмен торговые выгоды, лучшие условия для вывоза товаров и особенно для вывоза капитала в Португалию и её колонии, возможность пользоваться гаванями и островами Португалии, её кабелями и пр. и т. д.^[9] Такого рода отношения между отдельными крупными и мелкими государствами были всегда, но в эпоху

капиталистического империализма они становятся всеобщей системой, входят, как часть, в сумму отношений «раздела мира», превращаются в звенья операций всемирного финансового капитала.

Чтобы покончить с вопросом о разделе мира, мы должны отметить ещё следующее. Не только американская литература после испано-американской и английская после англо-бурской войн поставили этот вопрос вполне открыто и определённо в самом конце XIX и начале XX века, не только немецкая литература, всего «ревнивей» следившая за «британским империализмом», систематически оценивала этот факт. И во французской буржуазной литературе вопрос поставлен достаточно определённо и широко, поскольку это мыслимо с буржуазной точки зрения. Сошлёмся на историка Дрио, который в своей книге: «Политические и социальные проблемы в конце XIX века» в главе о «великих державах и разделе мира» писал следующее: «В течение последних лет все свободные места на земле, за исключением Китая, заняты державами Европы и Северной Америки. На этой почве произошло уже несколько конфликтов и перемещений влияния, являющихся предвестниками более ужасных взрывов в близком будущем. Ибо приходится торопиться: нации, не обеспечившие себя, рискуют никогда не получить своей части и не принять участия в той гигантской эксплуатации земли, которая будет одним из существеннейших фактов следующего (т. е. XX) века. Вот почему вся Европа и Америка были охвачены в последнее время лихорадкой колониальных расширений, „империализма“, который является самой замечательной характерной чертой конца XIX века». И автор добавлял: «При этом разделе мира, в этой бешеной погоне за сокровищами и крупными рынками земли, сравнительная сила империй, основанных в этом, XIX, веке, находится в полном несоответствии с тем местом, которое занимают в Европе нации, основавшие их. Державы, преобладающие в Европе, вершительницы её судеб, *не* являются равным образом преобладающими во всём мире. А так как колониальное могущество, надежда обладать богатствами, ещё не учтёнными, окажет очевидно своё отраженное действие на сравнительную силу европейских держав, то в силу этого колониальный вопрос — „империализм“, если хотите, — изменивший уже политические условия самой Европы, будет изменять их всё более и более»^[10].

-
1. A. Supan. «Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien». 1906, стр. 254 (А. Супан. «Территориальное развитие европейских колоний». *Ред.*).
 2. Henry C. Morris. «The History of Colonization». N. Y., 1900, vol. II, pp. 88; I, 419; II, 304 (Генри К. Моррис. «История колонизации». Нью-Йорк, 1900, т. II, стр. 88; I, 419; II, 304. *Ред.*).
 3. «Die Neue Zeit», XVI, I, 1898, S. 302.
 4. «Die Neue Zeit», XVI, I, 1898, S. 304.
 5. C. P. Lucas. «Greater Rome and Greater Britain». Oxf., 1912 (Ч. П. Лукас. «Великий Рим и Великая Британия». Оксфорд, 1912. *Ред.*) или Earl of Cromer. «Ancient and modern Imperialism». L., 1910 (Граф Кромер. «Древний и современный империализм». Лондон, 1910. *Ред.*).
 6. Schilder, назв. соч., стр. 38—42.
 7. Wahl. «La France aux colonies» (Валь. «Франция в колониях». *Ред.*), цитировано у Henri Russier. «Le Partage de l'Océanie». P., 1905, p. 165 (Анри Рюссье. «Раздел Океании». Париж, 1905, стр. 165. *Ред.*).
 8. Schulze-Gævernitz. «Britischer Imperialismus und englischer Freihandel zu Beginn des 20-ten Jahrhunderts». Lpz., 1906, стр. 318 (Шульце-Гевеверниц. «Британский империализм и английская свободная торговля начала 20-го века». Лейпциг, 1906. *Ред.*). То же говорит Sartorius v. Waltershausen. «Das volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Auslande». Berlin, 1907. S. 46 (Сарториус фон Вальтерсхаузен. «Народнохозяйственная система помещения капитала за границей». Берлин, 1907, стр. 46. *Ред.*).

9. Шильдер, назв. соч., I т., стр. 160—161.
10. J.-E. Driault. «Problèmes politiques et sociaux». P., 1900, стр. 299 (Ж.-Э. Дрио. «Политические и социальные проблемы». Париж. *Ред.*).

VII. ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК ОСОБАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА

Мы должны теперь попытаться подвести известные итоги, свести вместе сказанное выше об империализме. Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определённой, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из неё вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют её, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю.

Если бы необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма. Такое определение включало бы самое главное, ибо, с одной стороны, финансовый капитал есть банковый капитал монополистически немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников; а с другой стороны, раздел мира есть переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца.

Но слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное, — всё же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить. Поэтому, не забывая условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии, следует дать такое определение империализма, которое бы включало следующие пять основных его признаков: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами.

Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрёл выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами.

Мы увидим ещё ниже, как можно и должно иначе определить империализм, если иметь в виду не только основные чисто экономические понятия (которыми ограничивается приведённое определение), а историческое место данной стадии капитализма по отношению к капитализму вообще или отношение империализма и двух основных направлений в рабочем движении. Сейчас же надо отметить, что, понимаемый в указанном смысле, империализм представляет из себя, несомненно, особую стадию развития капитализма. Чтобы дать читателю возможно более обоснованное представление об империализме, мы намеренно старались приводить как можно больше отзывов *буржуазных* экономистов, вынужденных признавать особенно бесспорно установленные факты новейшей экономики капитализма. С той же целью приводились подробные статистические данные, позволяющие видеть, до какой именно степени вырос банковый капитал и т. д., в чём именно выразился переход количества в качество, переход развитого капитализма в империализм. Нечего и говорить, конечно, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что было бы нелепо спорить, например, о том, к какому году или десятилетию относится «окончательное» установление империализма.

Но спорить об определении империализма приходится прежде всего с главным марксистским теоретиком эпохи так называемого Второго Интернационала, т. е. 25-летия 1889—1914 годов, К. Каутским. Против основных идей, выраженных в данном нами определении империализма, Каутский выступил вполне решительно и в 1915 и даже ещё в ноябре 1914 года, заявляя, что под империализмом надо понимать не «фазу» или ступень хозяйства, а политику, именно определенную политику, «предпочитаемую» финансовым капиталом, что империализм нельзя «отождествлять» с «современным капитализмом», что если понимать под империализмом «все явления современного капитализма», — картели, протекционизм, господство финансистов, колониальную политику — то тогда вопрос о необходимости империализма для капитализма сведётся к «самой плоской тавтологии», ибо тогда, «естественно, империализм есть жизненная необходимость для капитализма» и т. д. Мысль Каутского мы выразим всего точнее, если приведём данное им определение империализма, направленное прямо против существа излагаемых нами идей (ибо возражения из лагеря немецких марксистов, проводивших подобные идеи в течение целого ряда лет, давно известны Каутскому, как возражения определённого течения в марксизме).

Определение Каутского гласит:

«Империализм есть продукт высокоразвитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять всё большие *аграрные* (курсив Каутского) области, без отношения к тому, какими нациями они населены»^[1].

Это определение ровнёхонько никуда не годится, ибо оно односторонне, т. е. произвольно, выделяет один только национальный вопрос (хотя и в высшей степени важный как сам по себе, так и в его отношении к империализму), произвольно и *неверно* связывая его *только* с промышленным капиталом в аннектирующие другие нации странах, столь же произвольно и неверно выдвигая аннексию аграрных областей.

Империализм есть стремление к аннексиям — вот к чему сводится *политическая* часть определения Каутского. Она верна, но крайне неполна, ибо политически империализм есть вообще стремление к насилию и к реакции. Нас занимает здесь, однако, *экономическая* сторона дела, которую внес в *своё* определение *сам* Каутский. Неверности в определении Каутского бьют в лицо. Для империализма характерен как раз *не* промышленный, а финансовый капитал. Не случайность, что во Франции как раз особо быстрое развитие *финансового* капитала, при ослаблении промышленного, вызвало с 80-х годов прошлого века крайнее обострение аннексионистской (колониальной) политики. Для империализма характерно как раз стремление к аннектированию *не только* аграрных областей, а даже самых промышленных (германские аппетиты насчет Бельгии, французские насчет Лотарингии), ибо, во-1-х, законченный раздел земли вынуждает, при *переделе*, протягивать руку ко *всяким* землям; во-2-х, для империализма существенно соревнование нескольких крупных держав в стремлении к гегемонии, т. е. к захвату земель не столько прямо для себя, сколько для ослабления противника и подрыва *его* гегемонии (Германии Бельгия особенно важна, как опорный пункт против Англии; Англии Багдад, как опорный пункт против Германии и т. д.).

Каутский ссылается в особенности — и неоднократно — на англичан, установивших будто бы чисто политическое значение слова империализм в его, Каутского, смысле. Берем англичанина Гобсона и читаем в его сочинении «Империализм», вышедшем в 1902 году:

«Новый империализм отличается от старого, во-первых, тем, что он на место стремлений одной растущей империи ставит теорию и практику соревнующих империй, каждая из которых руководится одинаковыми вожделениями к политическому расширению и к коммерческой выгоде; во-вторых, господством над торговыми интересами интересов финансовых или относящихся к помещению капитала»^[2].

Мы видим, что Каутский абсолютно неправ фактически в своей ссылке на англичан вообще (он мог бы сослаться разве на вульгарных английских империалистов или прямых апологетов империализма). Мы видим, что Каутский, претендуя, что он продолжает защищать марксизм, на деле делает шаг назад по сравнению с *социал-либералом* Гобсоном, который *правильнее* учитывает две «исторически-конкретные» (Каутский как раз издевается своим определением над исторической конкретностью!) особенности современного империализма: 1) конкуренцию *нескольких* империализмов и 2) преобладание финансиста над торговцем. А если речь идет главным образом о том, чтобы промышленная страна аннектировала аграрную, то этим выдвигается главенствующая роль торговца.

Определение Каутского не только неверное и не марксистское. Оно служит основой целой системы взглядов, разрывающих по всей линии и с марксистской теорией и с марксистской практикой, о чём ещё пойдёт речь ниже. Совершенно несерьёзен тот спор о словах, который поднят Каутским: назвать ли новейшую ступень капитализма империализмом или ступенью финансового капитала. Называйте, как хотите; это безразлично. Суть дела в том, что Каутский отрывает политику империализма от его экономики, толкуя об аннексиях, как «предпочитаемой» финансовым капиталом политике, и противопоставляя ей другую возможную будто бы буржуазную политику на той же базе финансового капитала. Выходит, что монополии в экономике совместимы с немонополистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике. Выходит, что территориальный раздел земли, завершённый как раз в эпоху финансового капитала и составляющий основу своеобразия теперешних форм соревнования между крупнейшими капиталистическими государствами, совместим с неимпериалистской политикой. Получается затушёвывание, притупление самых коренных противоречий новейшей ступени капитализма вместо раскрытия глубины их, получается буржуазный реформизм вместо марксизма.

Каутский спорит с немецким апологетом империализма и аннексий, Куновым, который рассуждает аляповато и цинично: империализм есть современный капитализм; развитие капитализма неизбежно и прогрессивно; значит, империализм прогрессивен; значит, надо раболепствовать перед империализмом и славословить! Нечто вроде той карикатуры, которую рисовали народники против русских марксистов в 1894—1895 годах: дескать, если марксисты считают капитализм в России неизбежным и прогрессивным, то они должны открыть кабаки и заняться насаждением капитализма. Каутский возражает Кунову: нет, империализм не есть современный капитализм, а лишь одна из форм политики современного капитализма, и мы можем и должны бороться с этой политикой, бороться с империализмом, с аннексиями и т. д.

Возражение кажется вполне благовидным, а на деле оно равняется более тонкой, более прикрытой (и потому более опасной) проповеди примирения с империализмом, ибо «борьба» с политикой трестов и банков, не затрагивающая основ экономики трестов и банков, сводится к буржуазному реформизму и пацифизму, к добреньким и невинным благопожеланиям. Отговориться от существующих противоречий, забыть самые важные из них, вместо вскрытия всей глубины противоречий — вот теория Каутского, не имеющая ничего общего с марксизмом. И понятно, что такая «теория» служит только к защите идеи единства с Куновыми!

«С чисто экономической точки зрения, — пишет Каутский, — не невозможно, что капитализм переживет ещё одну новую фазу, перенесение политики картелей на внешнюю политику, фазу ультраимпериализма»^[3], т. е. сверхимпериализма, объединения империализмов всего мира, а не борьбы их, фазу прекращения войн при капитализме, фазу «общей эксплуатации мира интернационально-объединённым финансовым капиталом»^[4].

На этой «теории ультраимпериализма» нам придётся остановиться ниже, чтобы подробно показать, до какой степени она разрывает решительно и бесповоротно с марксизмом. Здесь же нам надо, сообразно общему плану настоящего очерка,

взглянуть на точные экономические данные, относящиеся к этому вопросу. «С чисто экономической точки зрения» возможен «ультраимпериализм» или это ультрапустяки?

Если понимать под чисто экономической точкой зрения «чистую» абстракцию, тогда всё, что можно сказать, сведется к положению: развитие идёт к монополиям, следовательно, к одной всемирной монополии, к одному всемирному тресту. Это бесспорно, но это и совершенно бессодержательно, вроде указания, что «развитие идёт» к производству предметов питания в лабораториях. В этом смысле «теория» ультраимпериализма такой же вздор, каким была бы «теория ультраземледелия».

Если же говорить о «чисто экономических» условиях эпохи финансового капитала, как об исторически-конкретной эпохе, относящейся к началу XX века, то лучшим ответом на мертвые абстракции «ультраимпериализма» (служащие исключительно реакционной цели: отвлечению внимания от глубины *наличных* противоречий) является противопоставление им конкретно-экономической действительности современного всемирного хозяйства. Бессодержательнейшие разговоры Каутского об ультраимпериализме поощряют, между прочим, ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала *ослабляет* неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно *усиливает* их.

Р. Кальвер в своей небольшой книжке «Введение в всемирное хозяйство»^[5] сделал попытку свести главнейшие чисто экономические данные, позволяющие конкретно представить взаимоотношения внутри всемирного хозяйства на рубеже XIX и XX веков. Он делит весь мир на 5 «главных хозяйственных областей»: 1) средневропейская (вся Европа кроме России и Англии); 2) британская; 3) российская; 4) восточноазиатская и 5) американская, включая колонии в «области» тех государств, которым они принадлежат, и «оставляя в стороне» немногие, нераспределенные по областям, страны, например, Персию, Афганистан, Аравию в Азии, Марокко и Абиссинию в Африке и т. п.

Вот, в сокращённом виде, приводимые им экономические данные об этих областях:

Главные хозяйственные области мира	Площадь млн. кв. км	Население (млн.)	Пути сообщения		Торговля (ввоз и вывоз вместе) (млрд. марок)	Промышленность		
			жел. дор. (тыс. км)	торговый флот (млн. тонн)		добыча кам. угля (млн. тонн)	чугуна	число веретён в хл.-бум. пром. (млн.)
1) ср. европ.....	27,6 *(23,6)	388 (146)	204	8	41	251	15	26
2) британск.....	28,9 *(28,6)	398 (355)	140	11	25	249	9	51
3) российск.....	22	131	63	1	3	16	3	7
4) вост. азиат.....	12	389	8	1	2	8	0,02	2
5) америк.....	20	148	379	6	14	245	14	19

Мы видим три области с высоко развитым капитализмом (сильное развитие и путей сообщения и торговли и промышленности): среднеевропейскую, британскую и американскую. Среди них три господствующие над миром государства: Германия, Англия, Соединенные Штаты. Империалистское соревнование между ними и борьба крайне обострены тем, что Германия имеет ничтожную область и мало колоний; создание «средней Европы» ещё в будущем, и рождается она в отчаянной борьбе. Пока — признак всей Европы политическая раздробленность. В британской и американской областях очень высока, наоборот, политическая концентрация, но громадное несоответствие между необъятными колониями первой и ничтожными — второй. А в колониях капитализм только начинает развиваться. Борьба за южную Америку всё обостряется.

Две области — слабого развития капитализма, российская и восточноазиатская. В первой крайне слабая плотность населения, во второй — крайне высокая; в первой политическая концентрация велика, во второй отсутствует. Китай только ещё начали делить, и борьба за него между Японией, Соединенными Штатами и т. д. обостряется всё сильнее.

Сопоставьте с этой действительностью, — с гигантским разнообразием экономических и политических условий, с крайним несоответствием в быстроте роста разных стран и пр., с бешеной борьбой между империалистическими государствами — глупенькую побасёнку Каутского о «мирном» ультраимпериализме. Разве это не реакционная попытка запуганного мещанина спрятаться от грозной действительности? Разве интернациональные картели, которые кажутся Каутскому зародышами «ультраимпериализма» (как производство таблеток в лаборатории «можно» объявить зародышем ультраземледелия), не показывают нам примера раздела *и передела* мира, перехода от мирного раздела к немирному и обратно? Разве американский и прочий финансовый капитал, мирно деливший весь мир, при участии Германии, скажем, в

международном рельсовом синдикате или в международном тресте торгового судоходства, не *переделяет* теперь мир на основе новых отношений силы, изменяющихся совсем *немирным* путем?

Финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства. А раз соотношения силы изменились, то в чём может заключаться, *при капитализме*, разрешение противоречия кроме как в *силе*? Чрезвычайно точные данные о различной скорости роста капитализма и финансового капитала во всём всемирном хозяйстве мы имеем в статистике железных дорог^[6]. За последние десятилетия империалистского развития длина железных дорог изменилась так:

		Железные дороги (тыс. км)		
		1890	1913	+
Европа.....	224		346	+122
Соед. Штаты Америки...	268		411	+143
Все колонии.....	82	} 125	} 210	} +128
Самостоят. и полуса- мост. государства Азии и Америки.....	43			
Всего	617	1 104		

Быстрее всего развитие железных дорог шло, следовательно, в колониях и в самостоятельных (и полусамостоятельных) государствах Азии и Америки. Известно, что финансовый капитал 4—5 крупнейших капиталистических государств царит и правит здесь всецело. Двести тысяч километров новых железных дорог в колониях и в других странах Азии и Америки, это значит свыше 40 миллиардов марок нового помещения капитала на особо выгодных условиях, с особыми гарантиями доходности, с прибыльными заказами для сталелитейных заводов и пр. и т. д.

Быстрее всего растёт капитализм в колониях и в заокеанских странах. Среди них появляются *новые* империалистские державы (Япония). Борьба всемирных империализмов обостряется. Растёт дань, которую берёт финансовый капитал с особенно прибыльных колониальных и заокеанских предприятий. При разделе этой «добычи» исключительно высокая доля попадает в руки стран, не всегда занимающих первое место по скорости развития производительных сил. В крупнейших державах, взятых вместе с их колониями, длина железных дорог составляла:

	(тыс. км)		
	1890	1913	
С. Штаты.....	268	413	+145
Британская империя...	107	208	+101
Россия.....	32	78	+ 46
Германия.....	43	68	+ 25
Франция.....	41	63	+ 22
Всего в 5 державах	491	830	+339

Итак, около 80 % всего количества железных дорог сконцентрировано в 5 крупнейших державах. Но концентрация *собственности* на эти дороги, концентрация финансового капитала ещё неизмеримо более значительна, ибо английским и французским, например, миллионерам принадлежит громадная масса акций и облигаций американских, русских и других железных дорог.

Благодаря своим колониям Англия увеличила «свою» железнодорожную сеть на 100 тысяч километров, вчетверо больше, чем Германия. Между тем общеизвестно, что развитие производительных сил Германии за это время, и особенно развитие каменноугольного и железодельного производства, шло несравненно быстрее, чем в Англии, не говоря уже о Франции и России. В 1892 году Германия производила 4,9 миллиона тонн чугуна, против 6,8 в Англии; а в 1912 году уже 17,6 против 9,0, т. е. гигантский перевес над Англией!^[7] Спрашивается, на почве капитализма какое могло быть иное средство, кроме войны, для устранения несоответствия между развитием производительных сил и накоплением капитала, с одной стороны, — разделом колоний и «сфер влияния» для финансового капитала, с другой?

1. «Die Neue Zeit», 1914, 2 (32 т.), стр. 909, от 11 сентября 1914 г. Ср. 1915, 2, стр. 107, слл.

2. Hobson. «Imperialism». L., 1902, p. 324.

3. «Die Neue Zeit», 1914, 2 (32 т.), стр. 921, от 11 сентября 1914 г. Ср. 1915, 2, стр. 107, слл.

4. «Die Neue Zeit», 1915, 1, стр. 144, от 30 апреля 1915.

5. R. Calwer. «Einführung in die Weltwirtschaft». Brl., 1906.

6. Stat. Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1915; Archiv für Eisenbahnwesen, 1892 (Статистический ежегодник Германского государства, 1915; Архив железнодорожного дела, 1892. *Ред.*); за 1890 год небольшие частности относительно распределения железных дорог между колониями разных стран пришлось определить приблизительно.

7. Ср. также Edgar Crammond. «The Economic Relations of the British and German Empires» в «Journal of the Royal Statistical Society», 1914, July, pp. 777 ss. (Эдгар Крэммонд. «Экономические отношения Британской и Германской империй» в «журнале королевского статистического общества», 1914, июль, стр. 777, слл. *Ред.*).

VIII. ПАРАЗИТИЗМ И ЗАГНИВАНИЕ КАПИТАЛИЗМА

Нам следует остановиться теперь ещё на одной очень важной стороне империализма, которая большей частью недостаточно оценивается в большинстве рассуждений на эту тему. Одним из недостатков марксиста Гильфердинга является то, что он сделал тут шаг назад по сравнению с немарксистом Гобсоном. Мы говорим о паразитизме, свойственном империализму.

Как мы видели, самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Это — монополия капиталистическая, т. е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию. Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперёд; постольку является далее *экономическая* возможность искусственно задерживать технический прогресс. Пример: в Америке некий Оуэнс изобрёл бутылочную машину, производящую революцию в выделке бутылок. Немецкий картель бутылочных фабрикантов скупает патенты Оуэнса и кладёт их под сукно, задерживает их применение. Конечно, монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренции с всемирного рынка (в этом, между прочим, одна из причин вздорности теории ультраимпериализма). Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить прибыль посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений. Но *тенденция* к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берёт верх.

Монополия обладания особенно обширными, богатыми или удобно расположенными колониями действует в том же направлении.

Далее. Империализм есть громадное скопление в немногих странах денежного капитала, достигающего, как мы видели, 100—150 миллиардов франков ценных бумаг. Отсюда — необычайный рост класса или, вернее, слоя рантье, т. е. лиц, живущих «стрижкой купонов», — лиц, совершенно отделённых от участия в каком бы то ни было предприятии, — лиц, профессией которых является праздность. Вывоз капитала, одна из самых существенных экономических основ империализма, ещё более усиливает эту полнейшую оторванность от производства слоя рантье, налагает отпечаток паразитизма на всю страну, живущую эксплуатацией труда нескольких заокеанских стран и колоний.

«В 1893 году, — пишет Гобсон, — британский капитал, помещённый за границей, составлял около 15 % всего богатства Соединённого Королевства»^[1]. Напомним, что к 1915 году этот капитал увеличился приблизительно в 2½ раза. «Агрессивный

империализм, — читаем далее у Гобсона, — который стоит так дорого плательщикам налогов и имеет так мало значения для промышленника и торговца.. есть источник больших прибылей для капиталиста, ищущего помещения своему капиталу»... (по-английски это понятие выражается одним словом: «инвестор» — «поместитель», рантье)... «Весь годичный доход, который Великобритания получает от всей своей внешней и колониальной торговли, ввоза и вывоза, определяется статистиком Гиффеном в 18 миллионов фунтов стерлингов (около 170 млн рублей) за 1899 год, считая по 2½ % на весь оборот в 800 млн фунтов стерлингов». Как ни велика эта сумма, она не может объяснить агрессивного империализма Великобритании. Его объясняет сумма в 90—100 млн фунтов стерлингов, представляющая доход от «помещённого» капитала, доход слоя рантье.

Доход рантье *впятеро* превышает доход от внешней торговли в самой «торговой» стране мира! Вот сущность империализма и империалистического паразитизма.

Понятие: «государство-рантье» (Rentnerstaat), или государство-ростовщик, становится поэтому общеупотребительным в экономической литературе об империализме. Мир разделился на горстку государств-ростовщиков и гигантское большинство государств-должников. «Среди помещений капитала за границей, — пишет Шульце-Геверниц, — на первом месте стоят такие, которые падают на страны, политически зависимые или союзные: Англия дает займы Египту, Японии, Китаю, Южной Америке. Её военный флот играет роль, в случае крайности, судебного пристава. Политическая сила Англии оберегает её от возмущения должников»^[2]. Сарториус фон Вальтерсхаузен в своём сочинении «Народнохозяйственная система помещения капитала за границей» выставляет образцом «государства-рантье» Голландию и указывает, что таковыми становятся теперь Англия и Франция^[3]. Шильдер считает, что пять промышленных государств являются «определённо выраженными странами-кредиторами»: Англия, Франция, Германия, Бельгия и Швейцария. Голландию он не относит сюда только потому, что она «мало индустриальна»^[4]. Соединённые Штаты являются кредитором лишь по отношению к Америке.

«Англия, — пишет Шульце-Геверниц, — перерастает постепенно из промышленного государства в государство-кредитора. Несмотря на абсолютное увеличение промышленного производства и промышленного вывоза, возрастает относительное значение для всего народного хозяйства доходов от процентов и дивидендов, от эмиссий, комиссий и спекуляции. По моему мнению, именно этот факт является экономической основой империалистического подъёма. Кредитор прочнее связан с должником, чем продавец с покупателем»^[5]. Относительно Германии издатель берлинского журнала «Банк» А. Лансбург писал в 1911 г. в статье: «Германия — государство-рантье» следующее: «В Германии охотно посмеиваются над склонностью к превращению в рантье, наблюдаемой во Франции. Но при этом забывают, что, поскольку дело касается буржуазии, германские условия всё более становятся похожими на французские»^[6].

Государство-рантье есть государство паразитического, загнивающего капитализма, и это обстоятельство не может не отражаться как на всех социально-политических условиях данных стран вообще, так и на двух основных течениях в рабочем движении

в особенности. Чтобы показать это возможно нагляднее, предоставим слово Гобсону, который всего более «надежен», как свидетель, ибо его невозможно заподозрить в пристрастии к «марксистскому правоверию», а с другой стороны, он — англичанин, хорошо знающий положение дел в стране, наиболее богатой и колониями и финансовым капиталом и империалистским опытом.

Описывая, под живым впечатлением англо-бурской войны, связь империализма с интересами «финансистов», рост их прибылей от подрядов, поставок и пр., Гобсон писал: «направителями этой определенно паразитической политики являются капиталисты; но те же самые мотивы оказывают действие и на специальные разряды рабочих. Во многих городах самые важные отрасли промышленности зависят от правительственных заказов; империализм центров металлургической и кораблестроительной промышленности зависит в немалой степени от этого факта». Двоякого рода обстоятельства ослабляли, по мнению автора, силу старых империй: 1) «экономический паразитизм» и 2) составление войска из зависимых народов. «Первое есть обычай экономического паразитизма, в силу которого господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными». Для экономической возможности такого подкупа, в какой бы форме он ни совершался, необходима — добавим от себя — монополистически высокая прибыль.

Относительно второго обстоятельства Гобсон пишет: «Одним из наиболее странных симптомов слепоты империализма является та беззаботность, с которой Великобритания, Франция и другие империалистские нации становятся на этот путь. Великобритания пошла дальше всех. Ббльшую часть тех сражений, которыми мы завоевали нашу индийскую империю, вели наши войска, составленные из туземцев; в Индии, как в последнее время и в Египте, большие постоянные армии находятся под начальством британцев; почти все войны, связанные с покорением нами Африки, за исключением её южной части, проведены для нас туземцами».

Перспектива раздела Китая вызывает у Гобсона такую экономическую оценку: «Большая часть Западной Европы могла бы тогда принять вид и характер, который теперь имеют части этих стран: юг Англии, Ривьера, наиболее посещаемые туристами и населённые богачами места Италии и Швейцарии, именно: маленькая кучка богатых аристократов, получающих дивиденды и пенсии с далёкого Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные же отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питания, массовые полуфабрикаты притекали бы, как дань, из Азии и из Африки». «Вот какие возможности открывает перед нами более широкий союз западных государств, европейская федерация великих держав: она не только не двигала бы вперёд дело всемирной цивилизации, а могла бы означать гигантскую опасность западного паразитизма: выделить группу передовых промышленных наций, высшие классы которых получают громадную дань с Азии и с Африки и при помощи этой дани содержат большие приручённые массы служащих и слуг, занятых уже не

производством массовых сельскохозяйственных и промышленных продуктов, а личным услужением или второстепенной промышленной работой под контролем новой финансовой аристократии. Пусть те, кто готов отмахнуться от такой теории» (надо было сказать: перспективы) «как незаслуживающей рассмотрения, вдумаются в экономические и социальные условия тех округов современной южной Англии, которые уже приведены в такое положение. Пусть они подумают, какое громадное расширение такой системы стало бы возможным, если бы Китай был подчинён экономическому контролю подобных групп финансистов, „поместителей капитала“, их политических и торгово-промышленных служащих, выкачивающих прибыли из величайшего потенциального резервуара, который только знал когда-либо мир, с целью потреблять эти прибыли в Европе. Разумеется, ситуация слишком сложна, игра мировых сил слишком трудно поддаётся учёту, чтобы сделать очень вероятным это или любое иное истолкование будущего в одном только направлении. Но те влияния, которые управляют империализмом Западной Европы в настоящее время, двигаются в этом направлении и, если они не встретят противодействия, если они не будут отвлечены в другую сторону, они работают в направлении именно такого завершения процесса»^[7].

Автор совершенно прав: *если бы* силы империализма не встретили противодействия, они привели бы именно к этому. Значение «Соединенных Штатов Европы» в современной, империалистской, обстановке оценено здесь правильно. Следовало бы лишь добавить, что *и внутри* рабочего движения оппортунисты, победившие ныне на время в большинстве стран, «работают» систематически и неуклонно именно в таком направлении. Империализм, означая раздел мира и эксплуатацию не одного только Китая, означая монополю высокоприбыльных горстки богатейших стран, создаёт экономическую возможность подкупа верхних прослоек пролетариата и тем питает, оформливает, укрепляет оппортунизм. Не следует лишь забывать тех противодействующих империализму вообще и оппортунизму в частности сил, которых естественно не видеть социал-либералу Гобсону.

Немецкий оппортунист Гергард Гильдебранд, который в своё время был исключён из партии за защиту империализма, а ныне мог бы быть вождём так называемой «социал-демократической» партии Германии, хорошо дополняет Гобсона, проповедуя «Соединенные Штаты Западной Европы» (без России) в целях «совместных» действий... против африканских негров, против «великого исламистского движения», для содержания «сильного войска и флота», против «японо-китайской коалиции»^[8] и пр.

Описание «британского империализма» у Шульце-Геверница показывает нам те же черты паразитизма. Народный доход Англии приблизительно удвоился с 1865 по 1898 г., а доход «от заграницы» за это время возрос *в девять раз*. Если «заслугой» империализма является «воспитание негра к труду» (без принуждения не обойтись...), то «опасность» империализма состоит в том, что «Европа свалит физический труд — сначала сельскохозяйственный и горный, а потом и более грубый промышленный — на плечи темнокожего человечества, а сама успокоится на роли рантье, подготавливая, может быть, этим экономическую, а затем и политическую эмансипацию краснокожих и темнокожих рас».

Всё бóльшая часть земли в Англии отнимается от сельскохозяйственного производства и идёт под спорт, под забаву для богачей. Про Шотландию — самое аристократическое место охоты и другого спорта — говорят, что «она живёт своим прошлым и мистером Карнеджи» (американским миллиардером). На одни только скачки и на охоту за лисицами Англия расходует ежегодно 14 миллионов фунтов стерлингов (около 130 млн. рублей). Число рантье в Англии составляет около 1 миллиона. Процент производительного населения понижается:

	Население Англии	Число рабочих в главных отраслях промышленности (миллионы)	% к населению
1851.....	17,9	4,1	23 %
1901.....	32,5	4,9	15 %

И, говоря об английском рабочем классе, буржуазный исследователь «британского империализма начала XX века» вынужден систематически проводить разницу между «*верхним слоем*» рабочих и «*собственно пролетарским низшим слоем*». Верхний слой поставляет массу членов кооперативов и профессиональных союзов, спортивных обществ и многочисленных религиозных сект. К его уровню приурочено избирательное право, которое в Англии «*всё ещё достаточно ограниченное, чтобы исключать собственно пролетарский низший слой*»!! Чтобы прикрасить положение английского рабочего класса, обыкновенно говорят только об этом верхнем слое, составляющем *меньшинство* пролетариата: например, «*вопрос о безработице есть преимущественно вопрос, касающийся Лондона и пролетарского низшего слоя, с которым политики мало считаются...*»^[9]. Надо было сказать: с которым буржуазные политиканы и «социалистические» оппортунисты мало считаются.

К числу особенностей империализма, которые связаны с описываемым кругом явлений, относится уменьшение эмиграции из империалистских стран и увеличение иммиграции (прихода рабочих и переселения) в эти страны из более отсталых стран, с более низкой заработной платой. Эмиграция из Англии, как отмечает Гобсон, падает с 1884 г.: она составляла 242 тыс. в этом году и 169 тыс. в 1900. Эмиграция из Германии достигла максимума за 10-летие 1881—1890 гг.: 1453 тыс., падая в два следующие десятилетия до 544 и до 341 тыс. Зато росло число рабочих, приходящих в Германию из Австрии, Италии, России и пр. По переписи 1907 г. в Германии было 1 342 294 иностранца, из них рабочих промышленных — 440 800, сельских — 257 329^[10]. Во Франции рабочие в горной промышленности «в значительной части» иностранцы: поляки, итальянцы, испанцы^[11]. В Соединённых Штатах иммигранты из Восточной и Южной Европы занимают наихудше оплачиваемые места, а американские рабочие дают наибольший процент выдвигающихся в надсмотрщики и получающих наилучше оплачиваемые работы^[12]. Империализм имеет тенденцию и среди рабочих выделить привилегированные разряды и отколоть их от широкой массы пролетариата.

Необходимо отметить, что в Англии тенденция империализма раскалывать рабочих и усиливать оппортунизм среди них, породить временное загнивание рабочего движения, сказалась гораздо раньше, чем конец XIX и начало XX века. Ибо две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке. Маркс и Энгельс систематически, в течение ряда десятилетий, прослеживали эту связь оппортунизма в рабочем движении с империалистическими особенностями английского капитализма. Энгельс писал, например, Марксу 7 октября 1858 года: «Английский пролетариат фактически всё более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно». Почти четверть века спустя, в письме от 11 августа 1881 г. он говорит о «худших английских тред-юнионах, которые позволяют руководить собою людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею». А в письме к Каутскому от 12 сентября 1882 г. Энгельс писал: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и её монополией на всемирном рынке»^[13]. (То же самое изложено Энгельсом для печати в предисловии ко 2-му изданию «Положения рабочего класса в Англии», 1892 г.)

Здесь ясно указаны причины и следствия. Причины: 1) эксплуатация данной страной всего мира; 2) её монопольное положение на всемирном рынке; 3) её колониальная монополия. Следствия: 1) обуржуазение части английского пролетариата; 2) часть его позволяет руководить собою людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею. Империализм начала XX века докончил раздел мира горсткой государств, из которых каждое эксплуатирует теперь (в смысле извлечения сверхприбыли) немногим меньшую часть «всего мира», чем Англия в 1858 году; каждое занимает монопольное положение на всемирном рынке благодаря трестам, картелям, финансовому капиталу, отношениям кредитора к должнику; каждое имеет до известной степени колониальную монополию (мы видели, что из 75 млн кв. километров *всех* колоний мира 65 млн, т. е. 86 % сосредоточено в руках шести держав; 61 млн, т. е. 81 % сосредоточено в руках 3-х держав).

Отличие теперешнего положения состоит в таких экономических и политических условиях, которые не могли не усилить непримиримость оппортунизма с общими и коренными интересами рабочего движения: империализм из зачатков вырос в господствующую систему; капиталистические монополии заняли первое место в народном хозяйстве и в политике; раздел мира доведён до конца; а, с другой стороны, вместо безраздельной монополии Англии мы видим борьбу за участие в монополии между небольшим числом империалистических держав, характеризующую всё начало XX века. Оппортунизм не может теперь оказаться полным победителем в рабочем

движении одной из стран на длинный ряд десятилетий, как победил оппортунизм в Англии во второй половине XIX столетия, но он окончательно созрел, перезрел и сгнил в ряде стран, вполне слившись с буржуазной политикой, как социал-шовинизм^[14].

1. Hobson, стр. 59, 62.
2. Schulze-Gævernitz. «Br. Imp.», 320 и др.
3. Sart. von Waltershausen. «D.Volkswirt. Syst. etc.». В., 1907, Buch IV.
4. Schilder, стр. 393.
5. Schulze-Gævernitz. «Br. Imp.», 122.
6. «Die Bank», 1911, 1, стр. 10—11.
7. Hobson, стр. 103, 205, 144, 335, 386.
8. Gerhard Hildebrand. «Die Erschütterung der Industriebherrschaft und des Industriesozialismus». 1910, стр. 229, слл. (Гергард Гильдебранд. «Потрясение господства промышленности и промышленного социализма». *Ред.*).
9. Schulze-Gævernitz. «Br. Imp.», 301.
10. Statistik des Deutschen Reichs, Bd. 211 (Статистика Германского государства, т. 211. *Ред.*).
11. Henger. «Die Kapitalsanlage der Franzosen». St., 1913 (Генгер. «Помещения французских капиталов». Штутгарт, 1913. *Ред.*).
12. Hourwich. «Immigration and Labour». N. Y., 1913 (Гурвич. «Иммиграция и труд». Нью-Йорк, 1913. *Ред.*).
13. Briefwechsel von Marx und Engels, Bd. II, S. 290; IV, 433 (Переписка Маркса и Энгельса, т. II, стр. 290. *Ред.*). — К. Kautsky. «Sozialismus und Kolonialpolitik». Bd., 1907, стр. 79 (К. Каутский. «Социализм и колониальная политика». Берлин, 1907. *Ред.*); эта брошюра писана ещё в те бесконечно далекие времена, когда Каутский был марксистом.
14. Русский социал-шовинизм господ Потресовых, Чхенкели, Масловых и т. д. как в своём откровенном виде, так и в прикровенном (гг. Чхеидзе, Скобелев, Аксельрод, Мартов и пр.), тоже вырос из русской разновидности оппортунизма, именно из ликвидаторства.

IX. КРИТИКА ИМПЕРИАЛИЗМА

Критику империализма мы понимаем в широком смысле слова, как отношение к политике империализма различных классов общества в связи с их общей идеологией.

Гигантские размеры финансового капитала, концентрированного в немногих руках и создающего необыкновенно широко раскинутую и густую сеть отношений и связей, подчиняющую ему массу не только средних и мелких, но и мельчайших капиталистов и хозяйчиков, — с одной стороны, а с другой, обострённая борьба с другими национально-государственными группами финансистов за раздел мира и за господство над другими странами, — всё это вызывает повальный переход всех имущих классов на сторону империализма. «Всеобщее» увлечение его перспективами, бешеная защита империализма, всевозможное прикрашивание его — таково знамение времени. Империалистская идеология проникает и в рабочий класс. Китайская стена не отделяет его от других классов. Если вожди теперешней так называемой «социал-демократической» партии Германии получили по справедливости название «социал-империалистов», т. е. социалистов на словах, империалистов на деле, то Гобсон ещё в 1902 году отметил существование «фабианских империалистов» в Англии, принадлежащих к оппортунистическому «Фабианскому обществу».

Буржуазные учёные и публицисты выступают защитниками империализма обыкновенно в несколько прикрытой форме, затушёвывая полное господство империализма и его глубокие корни, стараясь выдвинуть на первый план частности и второстепенные подробности, усиливаясь отвлечь внимание от существенного совершенно несерьёзными проектами «реформ» вроде полицейского надзора за трестами или банками и т. п. Реже выступают циничные, откровенные империалисты, имеющие смелость признать нелепость мысли о реформировании основных свойств империализма.

Приведём один пример. Немецкие империалисты в издании: «Архив всемирного хозяйства» стараются следить за национально-освободительными движениями в колониях, особенно, разумеется, не-немецких. Они отмечают брожение и протесты в Индии, движение в Натале (южная Африка), в Голландской Индии и т. д. Один из них в заметке по поводу английского издания, дающего отчёт о конференции подчинённых наций и рас, состоявшейся 28—30 июня 1910 года из представителей различных, находящихся под чужестранным господством, народов Азии, Африки, Европы пишет, оценивая речи на этой конференции: «С империализмом, говорят нам, надо бороться; господствующие государства должны признать право подчинённых народов на самостоятельность; международный трибунал должен наблюдать за исполнением договоров, заключённых между великими державами и слабыми народами. Дальше этих невинных пожеланий конференция не идёт. Мы не видим ни следа понимания той истины, что империализм неразрывно связан с капитализмом в его теперешней форме и что поэтому (!!) прямая борьба с империализмом безнадежна, разве если ограничиваться выступлением против отдельных, особенно отвратительных, эксцессов»^[1]. Так как реформистское исправление основ империализма есть обман,

«невинное пожелание», так как буржуазные представители угнетённых наций не идут «дальше» вперёд, поэтому буржуазный представитель угнетающей нации идёт «дальше» *назад*, к раболепству перед империализмом, прикрытому претензией на «научность». Тоже «логика»!

Вопросы о том, возможно ли реформистское изменение основ империализма, вперёд ли идти, к дальнейшему обострению и углублению противоречий, порождаемых им, или назад, к притуплению их, являются коренными вопросами критики империализма. Так как политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнёта в связи с гнётом финансовой олигархии и устранением свободной конкуренции, то мелкобуржуазно-демократическая оппозиция империализму выступает едва ли не во всех империалистских странах начала XX века. И разрыв с марксизмом со стороны Каутского и широкого интернационального течения каутскианства состоит именно в том, что Каутский не только не позаботился, не сумел противопоставить себя этой мелкобуржуазной, реформистской, экономически в основе своей реакционной, оппозиции, а, напротив, слился с ней практически.

В Соединённых Штатах империалистская война против Испании 1898 года вызвала оппозицию «антиимпериалистов», последних могикан буржуазной демократии, которые называли войну эту «преступной», считали нарушением конституции аннексию чужих земель, объявляли «обманом шовинистов» поступок по отношению к вождю туземцев на Филиппинах, Агвинальдо (ему обещали свободу его страны, а потом высадили американские войска и аннектировали Филиппины), — цитировали слова Линкольна: «когда белый человек сам управляет собой, это — самоуправление; когда он управляет сам собой и вместе с тем управляет другими, это уже не самоуправление, это — деспотизм»^[2]. Но пока вся эта критика боялась признать неразрывную связь империализма с трестами и, следовательно, основами капитализма, боялась присоединиться к силам, порождаемым крупным капитализмом и его развитием, она оставалась «невинным пожеланием».

Такова же основная позиция Гобсона в его критике империализма. Гобсон предвосхитил Каутского, восставая против «неизбежности империализма» и апеллируя к необходимости «поднять потребительную способность» населения (при капитализме!). На мелкобуржуазной точке зрения в критике империализма, всесилия банков, финансовой олигархии и пр. стоят цитированные неоднократно нами Агад, А. Лансбург, Л. Эшвеге, а из французских писателей — Виктор Берар, автор поверхностной книги: «Англия и империализм», вышедшей в 1900 году. Все они, несколько не претендуя на марксизм, противопоставляют империализму свободную конкуренцию и демократию, осуждают затею Багдадской железной дороги, ведущую к конфликтам и войне, высказывают «невинные пожелания» мира и т. п. — вплоть до статистика международных эмиссий А. Неймарка, который, подсчитывая сотни миллиардов франков «международных» ценностей, восклицал в 1912 году: «возможно ли предположить, чтобы мир мог быть нарушен? ... чтобы при таких громадных цифрах рисковали вызвать войну?»^[3].

Со стороны буржуазных экономистов такая наивность не удивительна; им же притом и *выгодно* казаться столь наивными и «всерьез» говорить о мире при империализме. Но что же осталось от марксизма у Каутского, когда он в 1914, 1915, 1916 годах становится на ту же буржуазно-реформистскую точку зрения и утверждает, что «все согласны» (империалисты, якобы социалисты и социал-пацифисты) насчёт мира? Вместо анализа и вскрытия глубины противоречий империализма мы видим одно лишь реформистское «невинное желание» отмахнуться, отговориться от них.

Вот образчик экономической критики империализма Каутским. Он берёт данные о вывозе и ввозе Англии из Египта за 1872 и 1912 годы; оказывается, что этот вывоз и ввоз рос слабее, чем общий вывоз и ввоз Англии. И Каутский умозаключает: «мы не имеем никаких оснований полагать, что без военного занятия Египта торговля с ним выросла бы меньше под влиянием простого веса экономических факторов». «Стремления капитала к расширению» «лучше всего могут быть достигнуты не насильственными методами империализма, а мирной демократией»^[4].

Это рассуждение Каутского, на сотни ладов перепеваемое его российским оруженосцем (и российским прикрывателем социал-шовинистов) г. Спектатором, составляет основу каутскианской критики империализма и на нём надо поэтому подробнее остановиться. Начнём с цитаты из Гильфердинга, выводы которого Каутский много раз, в том числе в апреле 1915 г., объявлял «единогласно принятыми всеми социалистическими теоретиками».

«Не дело пролетариата, — пишет Гильфердинг, — более прогрессивной капиталистической политике противопоставлять оставшуюся позади политику эры свободной торговли и враждебного отношения к государству. Ответом пролетариата на экономическую политику финансового капитала, на империализм, может быть не свобода торговли, а только социализм. Не такой идеал, как восстановление свободной конкуренции — он превратился теперь в реакционный идеал — может быть теперь целью пролетарской политики, а единственно лишь полное уничтожение конкуренции посредством устранения капитализма»^[5].

Каутский порвал с марксизмом, защищая для эпохи финансового капитала «реакционный идеал», «мирную демократию», «простой вес экономических факторов», — ибо этот идеал *объективно* тащит назад, от монополистического капитализма к немонополистическому, является реформистским обманом.

Торговля с Египтом (или с другой колонией или полуколонией) «выросла бы» сильнее без военного занятия, без империализма, без финансового капитала. Что это значит? Что капитализм развивался бы быстрее, если бы свободная конкуренция не ограничивалась ни монополиями вообще, ни «связями» или гнётом (т. е. тоже монополией) финансового капитала, ни монопольным обладанием колониями со стороны отдельных стран?

Другого смысла рассуждения Каутского иметь не могут, а этот «смысл» есть бессмыслица. Допустим, что *да*, что свободная конкуренция, без каких бы то ни было монополий, развивала бы капитализм и торговлю быстрее. Но ведь чем быстрее идёт

развитие торговли и капитализма, тем сильнее концентрация производства и капитала, *рождающая* монополию. И монополии *уже* родились — именно *из* свободной конкуренции! Если даже монополии стали теперь замедлять развитие, всё-таки это не довод за свободную конкуренцию, которая невозможна после того, как она родила монополии.

Как ни вертите рассуждения Каутского, ничего кроме реакционности и буржуазного реформизма в нём нет.

Если исправить это рассуждение, и сказать, как говорит Спектатор: торговля английских колоний с Англией развивается теперь медленнее, чем с другими странами, — это тоже не спасает Каутского. Ибо Англию побивает *тоже* монополия, *тоже* империализм только другой страны (Америки, Германии). Известно, что картели привели к охранительным пошлинам нового, оригинального типа: охраняются (это отметил ещё Энгельс в III томе «Капитала») как раз те продукты, которые способны к вывозу. Известна, далее, свойственная картелям и финансовому капиталу система «вывоза по бросовым ценам», «выбрасывания», как говорят англичане: внутри страны картель продаёт свои продукты по монопольной — высокой цене, а за границу сбывает втридешева, — чтобы подорвать конкурента, чтобы расширять до максимума своё производство и т. д. Если Германия быстрее развивает свою торговлю с английскими колониями, чем Англия, — это доказывает лишь, что германский империализм свежее, сильнее, организованнее, выше английского, но вовсе не доказывает «перевеса» свободной торговли, ибо борется не свободная торговля с протекционизмом, с колониальной зависимостью, а борется один империализм против другого, одна монополия против другой, один финансовый капитал против другого. Перевес немецкого империализма над английским сильнее, чем стена колониальных границ или протекционных пошлин: делать отсюда «довод» за свободную торговлю и «мирную демократию» есть пошлость, забвение основных черт и свойств империализма, замена марксизма мещанским реформизмом.

Интересно, что даже буржуазный экономист А. Лансбург, критикующий империализм так же мещански, как Каутский, подошёл всё же к более научной обработке данных торговой статистики. Он взял сравнение не одной случайно выхваченной страны и только колонии с остальными странами, а сравнение вывоза из империалистской страны 1) в страны финансово зависимые от неё, занимающие у неё деньги и 2) в страны финансово независимые. Получилось следующее:

		Вывоз из Германии (млн. марок)		
		1889	1908	Увелич в %
В страны, финансово зависимые от Германии:	Румыния.....	48,2	70,8	+ 47 %
	Португалия.....	19,0	32,8	+ 73 %
	Аргентина.....	60,7	147,0	+ 143 %
	Бразилия.....	48,7	84,5	+ 73 %
	Чили.....	28,3	52,4	+ 85 %
	Турция.....	29,9	64,0	+ 114 %
<i>Итого</i>		<i>234,8</i>	<i>451,5</i>	<i>+ 92 %</i>
В страны, финансово независимые от Германии:	Великобритания....	651,8	997,4	+ 53 %
	Франция.....	210,2	437,9	+ 108 %
	Бельгия.....	137,2	322,8	+ 135 %
	Швейцария.....	177,4	401,1	+ 127 %
	Австралия.....	21,2	64,5	+ 205 %
	Голл. Индия.....	8,8	40,7	+ 363 %
<i>Итого</i>		<i>1206,6</i>	<i>2264,4</i>	<i>+ 87 %</i>

Лансбург не подвёл *итогов* и поэтому странным образом не заметил, что если эти цифры что-либо доказывают, то только *против* него, ибо вывоз в финансово зависимые страны возрос *всё же быстрее*, хотя и немногим, чем в финансово независимые (подчёркиваем «если», ибо статистика Лансбурга далеко ещё не полна).

Прослеживая связь вывоза с займами, Лансбург пишет:

«В 1890/91 г. был заключён румынский заём при посредстве немецких банков, которые уже в предыдущие годы давали ссуды под него. Заём служил главным образом для покупки железнодорожного материала, который получался из Германии. В 1891 г. немецкий вывоз в Румынию составлял 55 млн марок. В следующем году он упал до 39,4 млн. и, с перерывами, упал до 25,4 млн в 1900 году. Лишь в самые последние годы достигнут снова уровень 1891 года — благодаря двум новым займам.

Немецкий вывоз в Португалию возрос вследствие займов 1888/89 до 21,1 млн. (1890); затем в два следующие года упал до 16,2 и 7,4 млн и достиг своего старого уровня лишь в 1903 году.

Ещё рельефнее данные о немецко-аргентинской торговле. Вследствие займов 1888 и 1890 гг. немецкий вывоз в Аргентину достиг в 1889 г. 60,7 млн. Два года спустя вывоз составлял всего 18,6 млн, меньше третьей части прежнего. Лишь в 1901 г. достигнут и

превзойдён уровень 1889 года, что было связано с новыми государственными и городскими займами, с выдачей денег на постройку электрических заводов и с другими кредитными операциями.

Вывоз в Чили возрос вследствие займа 1889 года до 45,2 млн. (1892) и упал затем через год до 22,5 млн. После нового займа, заключённого при посредстве немецких банков в 1906 г., вывоз поднялся до 84,7 млн. (1907), чтобы вновь упасть до 52,4 млн в 1908 г.»^[6].

Лансбург выводит из этих фактов забавную мещанскую мораль, как непрочен и неравномерен вывоз, связанный с займами, как нехорошо вывозить капиталы за границу вместо того, чтобы «естественно» и «гармонично» развивать отечественную промышленность, как «дорого» обходятся Круппу многомиллионные бакшиши при иностранных займах и т. п. Но факты говорят ясно: повышение вывоза *как раз* связано с мошенническими проделками финансового капитала, который не заботится о буржуазной морали и дерёт две шкуры с вола: во-первых, прибыль с займа, во-вторых, прибыль с *того же* займа, когда он идёт на покупку изделий Круппа или железнодорожных материалов стального синдиката и пр.

Повторяем, мы вовсе не считаем статистику Лансбурга совершенством, но её обязательно было привести, ибо она научнее, чем статистика Каутского и Спектатора, ибо Лансбург намечает правильный подход к вопросу. Чтобы рассуждать о значении финансового капитала в деле вывоза и т. п., надо уметь выделить связь вывоза специально и только с проделками финансистов, специально и только со сбытом картельных продуктов и т. д. А сравнивать попросту колонии вообще и неколонии, один империализм и другой империализм, одну полуколонию или колонию (Египет) и все остальные страны значит обходить и затушёвывать как раз *суть* дела.

Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушёвывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой, и т. д.

Совершенно такой же реакционный характер носит пресловутая теория «ультраимпериализма», сочиненная Каутским. Сравните его рассуждение на эту тему в 1915 году с рассуждением Гобсона в 1902 году:

Каутский: «... Не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новой, ультраимпериалистскою, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собою общую эксплуатацию мира интернационально-объединённым финансовым капиталом? Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет ещё достаточных предпосылок»^[7].

Гобсон: «Христианство, упрочившееся в немногих крупных федеральных империях, из которых каждая имеет ряд нецивилизованных колоний и зависимых стран, кажется многим наиболее законным развитием современных тенденций и притом таким развитием, которое дало бы больше всего надежды на постоянный мир на прочной базе интеримпериализма».

Ультраимпериализмом или сверхимпериализмом назвал Каутский то, что Гобсон за 13 лет до него назвал интеримпериализмом или междуимпериализмом. Кроме сочинения нового премудрого словечка, посредством замены одной латинской частички другою, прогресс «научной» мысли у Каутского состоит только в претензии выдавать за марксизм то, что Гобсон описывает, в сущности, как лицемерие английских попигов. После англо-бурской войны со стороны этого высокопочтенного сословия было вполне естественно направить главные усилия на *утешение* английских мещан и рабочих, потерявших немалое количество убитыми в южноафриканских сражениях и расплачивавшихся повышением налогов за обеспечение более высоких прибылей английским финансистам. И какое же утешение могло быть лучше того, что империализм не так плох, что он близок к интер(или ультра-) империализму, способному обеспечить постоянный мир? Каковы бы ни были благие намерения английских попигов или сладенького Каутского, объективный, т. е. действительный социальный смысл его «теории» один и только один: реакционнейшее утешение масс надеждами на возможность постоянного мира при капитализме посредством отвлечения внимания от острых противоречий и острых проблем современности и направления внимания на ложные перспективы какого-то якобы нового будущего «ультраимпериализма». Обман масс — кроме этого ровно ничего нет в «марксистской» теории Каутского.

В самом деле, достаточно ясно сопоставить общеизвестные, бесспорные факты, чтобы убедиться в том, насколько ложны перспективы, которые старается внушить немецким рабочим (и рабочим всех стран) Каутский. Возьмём Индию, Индо-Китай и Китай. Известно, что эти три колониальные и полуколониальные страны с населением в 6—7 сот миллионов душ подвергаются эксплуатации финансового капитала нескольких империалистских держав: Англии, Франции, Японии, Соединённых Штатов и т. д. Допустим, что эти империалистские страны составят союзы, один против другого, с целью отстоять или расширить свои владения, интересы и «сферы влияния» в названных азиатских государствах. Это будут «интеримпериалистские» или «ультраимпериалистские» союзы. Допустим, что все империалистские державы составят союз для «мирного» раздела названных азиатских стран, — это будет «интернационально-объединённый финансовый капитал». Фактические примеры такого союза имеются в истории XX века, например, в отношениях держав к Китаю. Спрашивается, «мыслимо» ли предположить, при условии сохранения капитализма (а именно такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы были некратковременными? чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и во всех возможных формах?

Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа кроме отрицательного. Ибо при капитализме немислимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учёт *силы* участников дележа, силы

общеекономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить её капиталистическую силу с силой тогдашней Англии; тоже — Япония по сравнению с Россией. Через десяток-другой лет «мыслимо» ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение силы между империалистскими державами? Абсолютно немыслимо.

Поэтому «интеримпериалистские» или «ультраимпериалистские» союзы в капиталистической действительности, а не в пошлой мещанской фантазии английских попов или немецкого «марксиста» Каутского, — в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции или в форме всеобщего союза всех империалистских держав — являются неизбежно лишь «передышками» между войнами. Мирные союзы готовят войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из *одной и той же* почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики. А премудрый Каутский, чтобы успокоить рабочих и примирить их с перешедшими на сторону буржуазии социал-шовинистами, *отрывает* одно звено единой цепи от другого, отрывает сегодняшний мирный (и ультраимпериалистский — даже ультра-ультраимпериалистский) союз всех держав для «успокоения» Китая (вспомните подавление боксёрского восстания) от завтрашнего немирного конфликта, подготовляющего послезавтра опять «мирный» всеобщий союз для раздела, допустим, Турции *и т. д. и т. д.* Вместо живой связи периодов империалистского мира и периодов империалистских войн Каутский преподносит рабочим мёртвую абстракцию, чтобы примирить их с их мёртвыми вождями.

Американец Хилл в своей «Истории дипломатии в международном развитии Европы» намечает в предисловии следующие периоды новейшей истории дипломатии: 1) эра революции; 2) конституционное движение; 3) эра «торгового империализма»^[8] наших дней. А один писатель делит историю «всемирной политики» Великобритании с 1870 года на 4 периода: 1) первый азиатский (борьба против движения России в Средней Азии по направлению к Индии); 2) африканский (приблизительно 1885—1902) — борьба с Францией из-за раздела Африки («Фашода» 1898 — на волосок от войны с Францией); 3) второй азиатский (договор с Японией против России) и 4) «европейский» — главным образом против Германии^[9]. «Политические стычки передовых отрядов разыгрываются на финансовой почве», — писал ещё в 1905 г. банковый «деятель» Риссер, указывая на то, как французский финансовый капитал, оперируя в Италии, подготовлял политический союз этих стран, как развёртывалась борьба Германии и Англии из-за Персии, борьба всех европейских капиталов из-за займов Китаю и пр. Вот она — живая действительность «ультраимпериалистских» мирных союзов в их неразрывной связи с просто империалистскими конфликтами.

Затушёвывание самых глубоких противоречий империализма Каутским, неизбежно превращающееся в прикрашивание империализма, не проходит бесследно и на критике политических свойств империализма этим писателем. Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления к

господству, а не к свободе. Реакция по всей линии при всяких политических порядках, крайнее обострение противоречий и в этой области — результат этих тенденций. Особенно обостряется также национальный гнёт и стремление к аннексиям, т. е. к нарушениям национальной независимости (ибо аннексия есть не что иное, как нарушение самоопределения наций). Гильфердинг справедливо отмечает связь империализма с обострением национального гнёта: «Что касается вновь открытых стран, — пишет он, — там ввозимый капитал усиливает противоречия и вызывает постоянно растущее сопротивление народов, пробуждающихся к национальному самосознанию, против пришельцев; сопротивление это легко может вырасти в опасные меры, направленные против иностранного капитала. В корень революционизируются старые социальные отношения, разрушается тысячелетняя аграрная обособленность „внеисторических наций“, они вовлекаются в капиталистический водоворот. Сам капитализм мало-помалу даёт покорённым средства и способы для освобождения. И они выдвигают ту цель, которая некогда представлялась европейским нациям наивысшею: создание единого национального государства, как орудия экономической и культурной свободы. Это движение к независимости угрожает европейскому капиталу в его наиболее ценных областях эксплуатации, сулящих наиболее блестящие перспективы, и европейский капитал может удерживать господство, лишь постоянно увеличивая свои военные силы»^[10].

К этому надо добавить, что не только во вновь открытых, но и в старых странах империализм ведёт к аннексиям, к усилению национального гнёта и, следовательно, также к обострению сопротивления. Возражая против усиления политической реакции империализмом, Каутский оставляет в тени ставший особенно насущным вопрос о невозможности единства с оппортунистами в эпоху империализма. Возражая против аннексий, он придаёт своим возражениям такую форму, которая наиболее безобидна для оппортунистов и всего легче приемлема для них. Он обращается непосредственно к немецкой аудитории и тем не менее затушёвывает как раз самое важное и злободневное, например, что Эльзас-Лотарингия является аннексией Германии. Для оценки этого «уклона мысли» Каутского возьмём пример. Допустим, японец осуждает аннексию Филиппин американцами. Спрашивается, многие ли поверят, что это делается из вражды к аннексиям вообще, а не из желания самому аннектировать Филиппины? И не придётся ли признать, что «борьбу» японца против аннексий можно считать искренней и политически честной исключительно в том случае, если он восстаёт против аннексии Кореи Японией, если он требует свободы отделения Кореи от Японии?

И теоретический анализ империализма у Каутского и его экономическая, а также политическая критика империализма *насквозь* проникнуты абсолютно непримиримым с марксизмом духом затушёвывания и сглаживания самых коренных противоречий, стремлением во что бы то ни стало отстоять разрушающееся единство с оппортунизмом в европейском рабочем движении.

1. Weltwirtschaftliches Archiv, Bd. II, стр. 193 (Архив мирового хозяйства, т. II. *Ред.*).

2. J. Patouillet. «L'impérialisme américain». Dijon, 1904, стр. 272 (Ж. Патуйе. «Американский империализм». Дижон. *Ред.*).

3. Bulletin de l'institut international de statistique. T. XIX, livr. II, p. 225.
4. Kautsky. «Nationalstaat, imperialistischer Staat und Staatenbund». Nrnberg, 1915, стр. 72 и 70 (Каутский. «Национальное государство, империалистское государство и союз государств». Нюрнберг. *Ред.*).
5. «Финансовый капитал», стр. 567.
6. «Die Bank», 1909, 2, стр. 819 слл.
7. «Neue Zeit», 30 апреля 1915, 144.
8. David Jayne Hill. «A History of the Diplomacy in the international development of Europe», vol. I, p. X.
9. Schilder, назв. соч., 178.
10. «Финансовый капитал», 487.

Х. ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ИМПЕРИАЛИЗМА

Мы видели, что по своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм. Уже этим определяется историческое место империализма, ибо монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу. Надо отметить в особенности четыре главных вида монополий или главных проявлений монополистического капитализма, характерных для рассматриваемой эпохи.

Во-первых, монополия выросла из концентрации производства на очень высокой степени её развития. Это — монополистские союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты. Мы видели, какую громадную роль они играют в современной хозяйственной жизни. К началу XX века они получили полное преобладание в передовых странах и если первые шаги по пути картеллирования были раньше пройдены странами с высоким охранительным тарифом (Германия, Америка), то Англия с её системой свободной торговли показала лишь немногим позже тот же основной факт: рождение монополий из концентрации производства.

Во-вторых, монополии привели к усиленному захвату важнейших источников сырья, особенно для основной, и наиболее картеллированной, промышленности капиталистического общества: каменноугольной и железодельной. Монополистическое обладание важнейшими источниками сырых материалов страшно увеличило власть крупного капитала и обострило противоречие между картеллированной и некартеллированной промышленностью.

В-третьих, монополия выросла из банков. Они превратились из скромных посреднических предприятий в монополистов финансового капитала. Каких-нибудь три — пять крупнейших банков любой из самых передовых капиталистических наций осуществили «личную унию» промышленного и банковского капитала, сосредоточили в своих руках распоряжение миллиардами и миллиардами, составляющими большую часть капиталов и денежных доходов целой страны. Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества, — вот рельефнейшее проявление этой монополии.

В-четвёртых, монополия выросла из колониальной политики. К многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за «сферы влияния» — т. е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистических прибылей и пр. — наконец за хозяйственную территорию вообще. Когда европейские державы занимали, например, своими колониями одну десятую долю Африки, как это было ещё в 1876 году, тогда колониальная политика могла развиваться немонополистически по типу, так сказать, «свободно-захватного» занятия земель. Но когда $\frac{9}{10}$ Африки оказались захваченными

(к 1900 году), когда весь мир оказался поделённым, — наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а следовательно, и особенно обострённой борьбы за раздел и за передел мира.

Насколько обострил монополистический капитализм все противоречия капитализма, общеизвестно. Достаточно указать на дороговизну и на гнёт картелей. Это обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала.

Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация всё большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций — всё это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм. Всё более и более выпукло выступает, как одна из тенденций империализма, создание «государства-рантье», государства-ростовщика, буржуазия которого живёт всё более вывозом капитала и «стрижкой купонов». Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растёт, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия).

Про быстроту экономического развития Германии автор исследования о немецких крупных банках Риссер говорит: «Не слишком медленный прогресс предыдущей эпохи (1848—1870) относится к скорости развития всего хозяйства Германии и в частности её банков в данную эпоху (1870—1905) приблизительно так, как быстрота движения почтовой кареты доброго старого времени относится к скорости современного автомобиля, который несётся так, что становится опасным и для беззаботно идущего пешехода и для самих едущих в автомобиле лиц», В свою очередь этот необыкновенно быстро выросший финансовый капитал именно потому, что он так быстро вырос, не прочь перейти к более «спокойному» обладанию колониями, подлежащими захвату, путём не только мирных средств, у более богатых наций. А в Соединённых Штатах экономическое развитие за последние десятилетия шло ещё быстрее, чем в Германии, и как раз *благодаря* этому паразитические черты новейшего американского капитализма выступили особенно ярко. С другой стороны, сравнение хотя бы республиканской американской буржуазии с монархической японской или германской показывает, что крупнейшее политическое различие в высшей степени ослабляется в эпоху империализма — не потому, чтобы оно было вообще не важно, а потому, что речь идёт во всех этих случаях о буржуазии с определёнными чертами паразитизма.

Получение монопольно-высокой прибыли капиталистами одной из многих отраслей промышленности, одной из многих стран и т. п. даёт им экономическую возможность подкупать отдельные прослойки рабочих, а временно и довольно значительное меньшинство их, привлекая их на сторону буржуазии данной отрасли или данной

нации против всех остальных. И усиленный антагонизм империалистских наций из-за раздела мира усиливает это стремление. Так создаётся связь империализма с оппортунизмом, которая сказалась раньше всех и ярче всех в Англии благодаря тому, что некоторые империалистические черты развития наблюдались здесь гораздо раньше, чем в других странах. Некоторые писатели, например Л. Мартов, любят отмахиваться от факта связи империализма с оппортунизмом в рабочем движении — факта, который ныне особенно сильно бросается в глаза, — посредством «казенно-оптимистических» (в духе Каутского и Гюисманса) рассуждений такого рода: дело противников капитализма было бы безнадежно, если бы именно передовой капитализм вёл к усилению оппортунизма или если бы именно наилучше оплачиваемые рабочие оказывались склонны к оппортунизму и т. п. Не надо обманываться насчёт значения такого «оптимизма»: это — оптимизм насчёт оппортунизма, это — оптимизм, служащий к прикрытию оппортунизма. На самом же деле особенная быстрота и особенная отвратительность развития оппортунизма вовсе не служит гарантией прочной победы его, как быстрота развития злокачественного нарыва на здоровом организме может лишь ускорить прорыв нарыва, освобождение организма от него. Опаснее всего в этом отношении люди, не желающие понять, что борьба с империализмом, если она не связана неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая и лживая фраза.

Из всего сказанного выше об экономической сущности империализма вытекает, что его приходится характеризовать, как переходный или, вернее, умирающий капитализм. Чрезвычайно поучительно в этом отношении, что ходячими словечками буржуазных экономистов, описывающих новейший капитализм, являются: «переплетение», «отсутствие изолированности» и т. п.; банки суть «предприятия, которые по своим задачам и по своему развитию не носят чисто частнохозяйственного характера, а всё более вырастают из сферы чисто частнохозяйственного регулирования». И тот же самый Риссер, которому принадлежат последние слова, с чрезвычайно серьёзным видом заявляет, что «предсказание» марксистов относительно «обобществления» «не осуществилось»!

Что же выражает это словечко «переплетение»? Оно схватывает лишь наиболее бросающуюся в глаза чёрточку происходящего у нас перед глазами процесса. Оно показывает, что наблюдатель перечисляет отдельные деревья, не видя леса. Оно рабски копирует внешнее, случайное, хаотическое. Оно избобличает в наблюдателе человека, который подавлен сырым материалом и совершенно не разбирается в его смысле и значении. «Случайно переплетаются» владения акциями, отношения частных собственников. Но то, что лежит в подкладке этого переплетения, — то, что составляет основу его, есть изменяющиеся общественные отношения производства. Когда крупное предприятие становится гигантским и планомерно, на основании точного учёта массовых данных, организует доставку первоначального сырого материала в размерах: или всего необходимого для десятков миллионов населения; когда систематически организуется перевозка этого сырья в наиболее удобные пункты производства, отделённые иногда сотнями и тысячами вёрст один от другого; когда из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательной обработки материала вплоть до получения целого ряда разновидностей готовых продуктов;

когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей (сбыт керосина и в Америке и в Германии американским «Керосиновым трестом»); — тогда становится очевидным, что перед нами налицо обобществление производства, а вовсе не простое «переплетение»; — что частнохозяйственные и частнособственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна загнивать, если искусственно оттягивать её устранение, — которая может оставаться в гниющем состоянии сравнительно долгое (на худой конец, если излечение от оппортунистического нарыва затянется) время, но которая всё же неизбежно будет устранена.

Восторженный поклонник немецкого империализма Шульце-Геверниц восклицает:

«Если в последнем счёте руководство немецкими банками лежит на дюжине лиц, то их деятельность уже теперь важнее для народного блага, чем деятельность большинства государственных министров» (о «переплетении» банкиров, министров, промышленников, рантье здесь выгоднее позабыть...) «... Если продумать до конца развитие тех тенденций, которые мы видели, то получается: денежный капитал нации объединён в банках; банки связаны между собой в картель; капитал нации, ищущий помещения, отлился в форму ценных бумаг. Тогда осуществляются гениальные слова Сен-Симона: „Теперьшняя анархия в производстве, которая соответствует тому факту, что экономические отношения развёртываются без единообразного регулирования, должна уступить место организации производства. Направлять производство будут не изолированные предприниматели, независимые друг от друга, не знающие экономических потребностей людей; это дело будет находиться в руках известного социального учреждения. Центральный комитет управления, имеющий возможность обзирать широкую область социальной экономики с более высокой точки зрения, будет регулировать её так, как это полезно для всего общества и передавать средства производства в подходящие для этого руки, а в особенности будет заботиться о постоянной гармонии между производством и потреблением. Есть учреждения, которые включили известную организацию хозяйственного труда в круг своих задач: банки“. Мы ещё далеки от осуществления этих слов Сен-Симона, но мы находимся уже на пути к их осуществлению: марксизм иначе, чем представлял его себе Маркс, но только по форме иначе»^[1].

Нечего сказать: хорошее «опровержение» Маркса, делающее шаг назад от точного научного анализа Маркса к догадке — хотя и гениальной, но всё же только догадке, Сен-Симона.

1. «Grundriß der Sozialökonomik», 146.